

ЛАБИРИНТ

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

ВОСТОК

1

2022

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 1 — 2022

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юрятин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Евгений Добренко, Венецианский университет (Венеция, Италия)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии УрО РАН (Чжэнчжи, КНР / Екатеринбург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Александр Эткинд, Европейский университет во Флоренции (Флоренция, Италия)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5

Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

Редакционная коллегия

- Роман Абрамов**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт социологии РАН (Москва)
- Кирилл Балдин**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Константин Бугров**, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)
- Ури Гершович**, Институт философии СПбГУ; Еврейский университет в Иерусалиме; Институт стран
Азии и Африки МГУ (Санкт-Петербург / Москва, Россия / Иерусалим, Израиль)
- Денис Докучаев**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Оксана Игнатьева-Вильбоа**, Пермский государственный национальный исследовательский
университет (Пермь)
- Михаил Ильченко**, Лейбниц-Институт истории и культуры Центральной и Восточной Европы
(Лейпциг, Германия)
- Светлана Касаткина**, Череповецкий государственный университет (Череповец)
- Татьяна Круглова**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Олег Лысенко**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)
- Йордан Люцканов**, Институт литературы Болгарской академии наук (София, Болгария)
- Мария Миловзорова**, Ивановский государственный политехнический университет (Иваново)
- Лилия Немченко**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина; Гильдия киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов
России (Екатеринбург / Москва)
- Лариса Петрова**, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург)
- Дарья Радченко**, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская
академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)
- Елена Раскатова**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Андрей Россомахин**, Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский
университет в Санкт-Петербурге; Государственный музей В. В. Маяковского
(Санкт-Петербург / Москва)
- Ирина Савкина**, независимый исследователь (Тампере, Финляндия)
- Инна Смирнова**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Нина Спутницкая**, Академия медиаиндустрии; Музей кино; Всероссийский государственный
институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва)
- Джереми Ховард**, Сент-Эндрюсский университет (Сент-Эндрюс, Великобритания)
- Ольга Шабурова**, независимый исследователь (Москва)

LABYRINTH

THEORIES AND PRACTICES OF CULTURE

Scholarly Journal

Has been issued since 2020

№ 1 — 2022

*The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
Mass media registration certificate Эл № ФС 77-78952 dated August 7, 2020*

Founded by Ivanovo State University

Editorial Council

Editor-in-Chief

Mikhail Timofeev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Vladimir Abashev, Perm State National Research University;
Perm Public Cultural Foundation "Yuryatin" (Perm)

Marina Abasheva, Perm State National Research University;
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Evgeniy Dobrenko, University of Venice (Venice, Italy)

Dmitry Zamyatin, Vysokovsky Graduate School of Urbanism (Moscow)

Maria Litovskaya, National Chengchi University; Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Taipei, Taiwan / Yekaterinburg)

Jakub Sadowski, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Mikhail Stroganov, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Tver Regional Local Lore Society (Moscow / Tver)

Elena Trubina, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

Sergey Ushakin, Princeton University (Princeton, USA)

Maria Chernyak, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)

Alexander Etkind, European University Institute in Florence (Florence, Italy),

Galina Yankovskaya, Perm State National Research University (Perm)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5

Tel./Fax: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

Editorial Board

Roman Abramov, National Research University Higher School of Economics; Institute of Sociology RAS (Moscow)

Kirill Baldin, Ivanovo State University (Ivanovo)

Konstantin Bugrov, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Uri Gershovich, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University; Hebrew University of Jerusalem; Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (St. Petersburg / Moscow, Russia / Jerusalem, Israel)

Denis Dokuchaev, Ivanovo State University (Ivanovo)

Oksana Ignatieva-Vilboa, Perm State National Research University (Perm)

Mikhail Ilchenko, Leibniz Institut; Institute of Philosophy and Law (Leipzig, Germany)

Svetlana Kasatkina, Cherepovets State University (Cherepovets)

Tatyana Kruglova, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Oleg Lysenko, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Yordan Lyutskanov, Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Maria Milovzorova, Ivanovo State Polytechnic University (Ivanovo)

Lilia Nemchenko, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Guild of Historians of Cinema and Film Critics of the Union of Cinematographers of Russia (Yekaterinburg / Moscow)

Larisa Petrova, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Yekaterinburg)

Daria Radchenko, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences; Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Elena Raskatova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Andrey Rossomakhin, St. Petersburg State University; European University at St. Petersburg; State Museum of V. V. Mayakovsky (St. Petersburg / Moscow)

Irina Savkina, independent researcher (Tampere, Finland)

Inna Smirnova, Ivanovo State University (Ivanovo)

Nina Sputnitskaya, Academy of Media Industry; Film Museum; All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov (Moscow)

Jeremy Howard, University of St Andrews (St Andrews, UK)

Olga Shaburova, independent researcher (Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера. ВОСТОК

К. Е. Балдин

Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров:
впечатления русских паломников второй половины XIX — начала XX в. 7

А. В. Марков

Блокада в книге: страница из истории русской эмиграции в Китае 23

Зарубежная литература. Болгария

С. Чолева

Спешите не торопясь, или О двух современных болгарских авторах 33

С. Чолева

Через жизнь, по ту сторону смерти 38

С. Чолева

Георгий Рупчев — сильный ночи, или мира того 43

К. Спасова

Прозрения и озарения в непроглядном 48

Семинар Research&Write

Ближе к тексту: беспокойство о коллективности 55

Информация для авторов 77

CONTENTS

The theme of the issue. EAST

K. E. Baldin

- Oriental exoticism on the pages of domestic memoirs:
impressions of Russian pilgrims of the second half of the XIX —
early XX century 7

A. V. Markov

- The block(ade) in the book: a page from the history
of Russian emigration in China 23

Foreign literature. Bulgaria

S. Choleva

- Hurry slowly, or about two modern Bulgarian authors 33

S. Choleva

- Through life, beyond death 38

S. Choleva

- Georgy Rupchev — the strong of the night, or the world of that 43

K. Spassova

- Epiphanies and insights in the Impenetrable 48

Research&Writer Workshop

- Closer to the text: concern about collectivity 55

- Information for the authors* 77

Тема номера. ВОСТОК
The theme of the issue. EAST

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 7—22.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 7—22.

Научная статья

УДК 930.2

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.1

**ВОСТОЧНАЯ ЭКЗОТИКА НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕМУАРОВ:
ВПЕЧАТЛЕНИЯ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX —
НАЧАЛА XX В.**

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется восприятие реалий Востока русскими паломниками, путешествовавшими во второй половине XIX — начале XX в. по Палестине, Сирии, Египту для поклонения святыням вселенского христианства. Впечатления, которые они привозили из своих путешествий, были как положительными, так и отрицательными. С одной стороны, они получали глубокое удовлетворение оттого, что близко соприкасались с сакральными объектами, с другой стороны, паломники были огорчены тем, что эти святыни находились под контролем иноверного государства — Османской империи. В мемуарах сохранились колоритные свидетельства о разнообразной повседневной жизни на Востоке, о необычной окружающей среде, в которую попадали русские путешественники. В процессе поездок на Восток происходил важный процесс самоидентификации русских паломников. В чуждой среде они более отчетливо, чем на родине, осознавали себя православными по религии и русскими по национальности. Большую роль в их национальной и культурной идентификации играл русский язык.

Ключевые слова: Ближний Восток, Османская империя, Палестина, паломничество, мемуарная литература, православное духовенство, повседневная жизнь, религиозная и национальная идентичность, природная среда

Для цитирования: Балдин К. Е. Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров: впечатления русских паломников второй половины XIX — начала XX в. // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 7—22.*

Original article

ORIENTAL EXOTICISM ON THE PAGES OF DOMESTIC MEMOIRS: IMPRESSIONS OF RUSSIAN PILGRIMS OF THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

Kirill E. Baldin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the perception of the realities of the East by Russian pilgrims, who traveled in the second half of the XIX — early XX century in Palestine, Syria, Egypt for the worship of the shrines of universal Christianity. The impressions, they brought from their travels, were both positive and negative. On the one hand, they received deep satisfaction because they came into close contact with sacred objects, on the other hand, pilgrims were upset and outraged, that these shrines were under the control of a heterodox state, the Ottoman Empire. The memoirs preserved colorful testimonies about a variety of everyday life in the East, about the unusual environment, in which Russian travelers fell. The memoirs reflected the exotic nature of the Eastern Mediterranean — very rich and diverse, with unusual for Russians sounds, smells and tastes. Being curious people, pilgrims visited not only Christian shrines, but also were interested in local culture, visited museums and architectural monuments, inspected the pyramids in Egypt. During their travels in the East, pilgrims experienced certain fears, the source of which were rumors about the criminal inclinations of the nomads, who lived there. In the process of traveling to the East, an important process of self-identification of Russian pilgrims took place. In an alien surroundings, they were more clearly aware of themselves as Orthodox by religion and as Russians by nationality. The Russian language played an important role in their national and cultural identification.

Keywords: Middle East, Ottoman Empire, Palestine, pilgrimage, memoir literature, Orthodox clergy, everyday life, religious and national identity, natural environment

For citation: Baldin, K. E. (2022) Vostochnaya ékzotika na stranichah otechestvennykh memuarov: vpechatleniya russkikh palomnikov vtoroj poloviny XIX — nachala XX v. [Oriental exoticism on the pages of domestic memoirs: impressions of Russian pilgrims of the second half of the XIX — early XX century], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 7—22.

Постановка проблемы

Восток со своей своеобразной экзотикой привлекал внимание и манил к себе русских, в основном — образованную публику. Но в отличие от Западной Европы, куда эта публика ездила часто (если, конечно, у нее водились деньги), на Восток направлялись очень немногие. Причинами этого являлись бытовые неудобства, с которыми были связаны такие путешествия, а также недостаток информации и страхи, связанные с погружением другой, более того — чуждый — мир. Единственным регионом Востока, куда поездки русских людей были массовыми, во второй половине XIX — начале XX в. стал Ближний Восток, а точнее — Восточное Средиземноморье (Палестина, Сирия, Египет). Туда из России люди направлялись с совершенно определенными целями — для паломничества к христианским святыням.

В XVII—XVIII вв. численность русских паломников, путешествовавших в эти места, была очень невелика и исчислялась единицами. В первой половине позапрошлого столетия сюда ежегодно ехали уже десятки богомольцев, а на рубеже XIX—XX вв. они исчислялись уже тысячами. Предпосылкой таких количественных изменений стало появление в конце XIX в. в городах Восточного Средиземноморья соответствующей социокультурной инфраструктуры для паломников. Она

была создана в значительной степени Императорским Православным Палестинским обществом — общественной организацией, которая налаживала паломничество в этот регион. Были построены подворья (гостиницы) самых различных ценовых категорий, наняты проводники, которые сопровождали караваны богомольцев, направлявшихся из Иерусалима в Вифлеем, Назарет, на реку Иордан.

По возвращении из своих путешествий некоторые из паломников брались за перо, чтобы поделиться своими впечатлениями с любознательными читателями. Уже в первой половине XIX века в России паломнические мемуары уверенно вошли в число жанров отечественной литературы, однако число этих произведений было невелико. Во второй половине XIX в. такого рода текстов появляется гораздо больше. Теперь свои впечатления доверяли бумаге не только путешественники-дворяне, но и рядовые сельские священники, миряне из купеческой и интеллигентской среды. Одни путевые записки выходили в свет отдельными изданиями, другие публиковались в церковных официозах — «Епархиальных ведомостях», других периодических изданиях того времени.

Некоторые путевые записки паломников по своему содержанию напоминают путеводители, в них читатели в основном находили информацию о сакральных достопримечательностях, ради которых, собственно, и ехали паломники на Восток. Эти тексты не так интересны для современных исследователей. В других источниках личного происхождения зафиксированы, кроме прочего, живые впечатления, полученные при общении с местными жителями, отражено восприятие авторами окружавшего их совершенно незнакомого мира, повседневной жизни Востока. Именно такие источники личного происхождения автор привлек для исследования в данной статье.

Среди мемуаристов было довольно много тех, кто впервые в жизни оказался за пределами России, тем более так далеко от ее границ. Поэтому их удивление экзотикой Востока было совершенно неподдельным и в концентрированном виде отражено во фразе, сказанной А. Касторским: «...не раз ловил себя с открытым ртом». [Костромские епархиальные ведомости. 1909, № 5, с. 133]. Действительно, человеку, безвыездно жившему до тех пор в России, было чему удивиться на Востоке. Эти впечатления, как положительные, так и отрицательные, мы предполагаем подробно проанализировать.

Методы и источники исследования

При работе над статьей автор использовал специальные исторические методы исследования. Во-первых, применялся историко-сравнительный метод, когда через призму восприятия русских путешественников сопоставляется повседневная жизнь у них дома и на чужбине, природа их родины и Востока, а также литургическая практика двух православных церквей — русской и ближневосточной греческой.

В рамках историко-типологического метода рассматривается характерный тип путешественника, отправившегося из России на Ближний Восток. Разумеется, он представляется нам как человек религиозный, воцерковленный, т. к. его основной целью было поклонение христианским святыням. Кроме того, из текстов мемуаров явствует, что это в целом человек патриотически настроенный и, несомненно, любознательный.

В исследовании использовался также историко-системный метод. Авторы проанализированных нами воспоминаний представляли собой лишь очень небольшую часть целого, доли процента от всех русских паломников, которые направлялись из России на Восток. Вместе с тем, они более или менее адекватно отражали в своих текстах восприятие нашими земляками увиденного на Ближнем Востоке, а также общую картину русского паломничества в этом регионе.

В качестве источников нами использованы мемуары целого ряда отечественных паломников, побывавших в разные годы в Палестине, Сирии, Египте. Н. Адлерберг и Д. Смышляев странствовали там в середине XIX в., Н. Карашевич, Н. Гусев, А. Трапицын, Е. Марков и Е. Мерцалов — в конце того же столетия, Г. Корельский, А. Касторский, Г. Крючков и игумен Никандр — в начале XX века. Для большего разнообразия рассматриваемых впечатлений нами привлечены также путевые записки А. Муравьева, который паломничал в Палестину раньше — в первой половине XIX в. Что касается архимандрита Антонина Капустина, то он совершил паломничество в Иерусалим в 1857 году, а в дальнейшем жил в этом городе три десятка лет, будучи руководителем Русской духовной миссии.

Среди авторов привлеченных нами для исследования воспоминаний были люди, занимавшие видное положение в обществе — А. Муравьев и Н. Адлерберг, а также рядовые провинциальные священники русской церкви — Н. Карашевич, Г. Крючков, Г. Карельский. Две трети мемуаристов, чьи тексты мы анализируем, принадлежали к духовному сословию. Среди них были клирики лишь с семинарским образованием, а также те, кто окончил духовные академии, они обладали широким кругозором, были знакомы с литературой о Палестине, читали воспоминания своих предшественников-паломников.

Профессиональная принадлежность авторов в значительной степени предопределяла содержание рассматриваемых нами источников личного происхождения. В мемуарах представителей духовенства внимание сосредоточено в большей степени на священных достопримечательностях и особенностях богослужебных практик на Востоке, а в воспоминаниях мирян больше места уделено повседневной жизни обитателей Востока и самих паломников, а также красотам природы. Их мемуары оказались для нас наиболее ценными с точки зрения их содержания.

Экзотика восточной природы на страницах мемуаров

Первое, на что обращали внимание путешественники в дороге и по приезду в Палестину, — это совершенно иная природа, встречавшая их в Восточном Средиземноморье. Впечатления от нее усиливались тем обстоятельством, что авторы всех рассматриваемых нами источников личного происхождения были выходцами из средней полосы или с севера европейской территории России. Во время же своих путешествий они попадали в совершенно иные климатические пояса: в субтропики — сухие и влажные, а в Египте и на Синайском полуострове — в зону пустынь. Местный ландшафт отличался не только климатом, флорой и фауной, но и рельефом. На родине авторов местность была в основном равнинной или слегка всхолмленной, а на Ближнем Востоке — по большей части гористой. Поэтому первые впечатления от увиденного были особенно сильными. Уже по пути на Восток во время остановки в Константинополе игумен Никандр из Соловецкого монастыря, отбросив свойственную ему иноческую сдержанность, не забыл упомянуть, что во время путешествия по заливу Золотой Рог они невольно залюбовались исключительно живописными высокими берегами [Архангельские епархиальные ведомости. 1913, № 13—14, с. 378].

В рассматриваемых нами воспоминаниях не так часто встречаются упоминания о том, что русские путешественники попадали в аномальную для них температурную среду. Это свидетельствует о том, насколько терпеливым был русский человек, приехавший из привычного для него умеренного климата в Египет или Палестину, об иссушающем климате которых он только читал в школьных учебниках географии. Вятский паломник Н. Гусев со своими спутниками оказался в Палестине в самый неподходящий для северянина сезон — в июле месяце [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9, с. 402]. Впрочем, существовала определенная причина для поездки в Иерусалим именно в это время, которое для паломников

считалось «низким сезоном». В это время помещения русских паломнических гостиниц в Иерусалиме стояли пустыми, т. к. абсолютное большинство богомольцев посещали сакральные места на праздники Рождества Христова и Пасхи. Архимандрит Антонин Капустин в описании своего первого путешествия в Святую Землю в сентябре 1857 г. время от времени жаловался на донимавшую его жару. В оправдание ему можно упомянуть, что он был человеком отнюдь не крепкого здоровья, а сентябрь в Палестине гораздо жарче, чем июль в России. На страницах его воспоминаний встречаются упоминания о том, что «...солнце палило... зноем», «...духота гнала вон из комнаты», «...не смогли заснуть от духоты в своем...нумере» [Антонин, 2007].

Совершенно не случайным в этой связи представляется то обстоятельство, что летом русские паломники совершали «трансфер» между городами только в ночное время, когда жары не было. [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9, с. 402]. Активная ночная жизнь на Востоке, вызванная изнурительной дневной жарой, обратила на себя внимание Н. Гусева уже в Константинополе. Автор, увидевший за полночь буквально толпы народа на улицах турецкой столицы, сравнил это совершенно необычное для российских городов явление с клубом под открытым небом [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 7, с. 291].

Естественно, Н. Гусев как паломник из северных краев не мог не заметить, что астрономические явления на Ближнем Востоке выглядят не так, как в его родной Вятской губернии. Он обратил внимание на то, что в Палестине смена дня и ночи происходит не плавно, как на севере, а очень быстро. Здесь солнце появляется из-за линии горизонта и скрывается за ней почти мгновенно, поэтому почти отсутствуют понятия утра и вечера. Кроме того, по его наблюдениям, звезды здесь светят значительно ярче, чем на его родине [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 10, с. 455—456].

Еще один незнакомый феномен, с которым сталкивались русские паломники — это оптические обманы, связанные с особыми свойствами воздуха. По свидетельству Н. Гусева, любуясь окружающими пейзажами с русской колокольни на горе Елеон, многие изъявляли желание «сбегать» на расстилавшееся перед ними в долине Мертвое море. Наблюдателям казалось, что оно находилось в пределах пешей досягаемости, на самом же деле до этого водоема было не 4—5, а все 50 километров. [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9, с. 422—423]. Такого рода оптические иллюзии испытывали и другие мемуаристы, взбравшиеся на Елеон и любовавшиеся с высоты его на окрестности.

Оказавшись в непривычной природной среде сразу же бросалось в глаза отличие субтропической флоры от растительности средней и северной части европейской России. Прогуливаясь по окрестностям Константинополя, Н. Гусев и его спутники наткнулись на грецкое дерево, плоды которого они видели до этого только в магазинах, а не на ветках. [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 7, с. 293]. Во время осмотра Александрии паломники были удивлены араукариями, которые в Египте представляли собой довольно высокие деревья. Аналогичная экзотика высотой всего в сажень в российских оранжереях стоила сотни и даже тысячи рублей, будучи по карману только очень богатым людям. Это же наблюдение относилось и к увиденным ими олеандрам и кактусам. [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 8, с. 345].

Из Палестины было принято привозить совершенно определенные вещи, которые вряд ли стоит называть без кавычек мирским словом «сувениры», т. к. они носили сакральный характер. Разумеется, среди них почетное место в багаже каждого паломника занимала «ветка Палестины», т. е. ветка масличного дерева или пальмы, они привлекали паломников своей необычностью. Вспомним в этой связи ставшее почти культовым для нескольких поколений паломников стихотворение

«Ветка Палестины» М. Ю. Лермонтова, который сам на Ближнем Востоке не бывал, а увидел этот сакральный «сувенир» у известного русского паломника и общественного деятеля Андрея Муравьева. Н. Гусев и его спутники также сорвали по ветке на берегу Иордана во время купания в священной реке [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9, с. 408].

Паломников, только что прибывших в Палестину, поражала не только пышность, но и богатство природы этого региона. К. Соколов в самых идиллических тонах воспроизводил картину, увиденную и услышанную им в Бейруте: многочисленные стада домашних животных с радостным ржанием и мычанием бежали к водопою; в воздухе вилось множество птиц, оглашая его свои щебетанием [Соколов, 2015]. Увидевшим это паломникам, несомненно, приходила на память многократно повторяемая в библейских текстах фраза о земле, «текущей молоком и медом». Со временем в процессе путешествий по Палестине оказывалось, что далеко не вся земля обетованная выглядит и звучит именно так, как показалось в первом приближении, что здесь есть не только приветливое и плодородное побережье, но и совершенно бесплодные полупустыни. Но наиболее рельефно в памяти путешественников откладывались все же те впечатления, о которых говорилось в приведенной только что цитате.

Экзотической представлялась не только флора, но и фауна. В Палестине наши паломники впервые видели таких домашних животных, о которых они, наверное, только слышали у себя на родине. В большинстве своем паломники передвигались по территории Палестины пешком, а более состоятельные отправлялись в длительные путешествия верхом, но не на лошадях, а на верблюдах и ослах. Так называемые «корабли пустыни» обычно вызывали у мемуаристов уважительное отношение благодаря своей выносливости и неприхотливости. Верблюды у паломников ассоциировались, в значительной степени, со звоном небольших колокольчиков, которые подвешивались на шею каждому животному и звенели в такт его неторопливым шагам [Чукмалдин, 1899].

О том, какие звуки издает само животное, большинство авторов не знало. Среди мемуаристов сумел услышать верблюда лишь К. Соколов, который обратил внимание на то, что он после привала поднимается с колен с «привычным возгласом «хррш!» [Соколов, 2015]. Глава Русской духовной миссии Антонин Капустин, хорошо знакомый с реалиями Святой Земли, охарактеризовал голос верблюда как «рычание» [Антонин, 2010].

Еще одним распространенным средством передвижения по дорогам Палестины являлись осла, которых паломники справедливо считали самыми «громкими» животными Ближнего Востока. Об этом свидетельствует архимандрит Антонин, отмечавший, что «хоровой» рев ослов был способен заглушить даже колокольный звон [Антонин, 2010]. К. Соколову в окрестностях Иерусалима также довелось услышать целое стадо ослов, которое «приветствовало» автора «только им свойственной музыкой» [Соколов, 2015]. Те же звуки произвели большое впечатление на Е. Маркова, который, вспомнив известный библейский сюжет, рассказывал, что осла во время путешествия «смущали нас раскатами своего рева, не уступавшего трубным звукам, некогда разрушившим стены Иерихонские» [Марков, 1891].

В непривычной климатической зоне российским паломникам довелось столкнуться и с непривычной фауной. Причем большинству наших богомольцев не доводилось видеть диких животных в Палестине, зато они их неоднократно слышали. Вятский священник Н. Гусев, услышав ночью незнакомые ему звуки, доносившиеся из степи, подумал, что это женский плач, тоскливый и по-своему музыкальный. Позже их проводник объяснил, что это были шакалы [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9, с. 411—412].

Если Н. Гусев отмечал «музыкальность» услышанных им звуков, то Е. Маркову они однозначно не понравились, вызвав у него неприятные ассоциации. О своем пребывании на горе Фавор он пишет: «В довершение всего, какой-то неприятный, жалобный вой уже давно щемил мою душу, надрывая ее необъяснимой тоской. Казалось, все эти лесные пропасти, все эти горные кручи затянули нескончаемую похоронную песнь. Она начиналась где-то далеко и глубоко, будто на дне могилы чуть слышно и потом поднималась, разливалась по темным безднам несмолкаемыми унылыми аккордами, будто сама темная ночь посылая небу свои горькие укоризны... Словно все мертвецы протекших веков вылезли из черной утробы земной и собрались теперь там, в глубине лесных пропастей, оглашая спящий мир стонами своих бессильных жалоб и своими детскими рыданиями. Это были бесчисленные стаи шакалов, которыми кишмя кишат лесные овраги Фавора» [Марков, 1891].

Повседневная жизнь в чужих краях

На Ближнем Востоке экзотической представлялась не только природа, но и повседневная жизнь, которая ежедневно и ежечасно окружала русских путешественников. Во второй половине XIX в. Палестина, Сирия, Египет и часть Греции с Афоном все еще принадлежали Османской империи, хотя некоторые из этих территорий имели довольно широкую автономию.

Поэтому здесь русские путники попадали в иную этноязыковую среду, общались с арабами, турками, греками, армянами, евреями. Чуждым было и конфессиональное окружение, господствующее положение в Турции занимала мусульманская религия, в то же время довольно значительная часть населения исповедовала православие, здесь проживали также католики, протестанты, иудеи. Новой для паломников являлась и социально-культурная среда — формы общения между людьми, нормы этикета, привычки, развлечения. Необычными были также звуки, запахи, вкусы, с которыми сталкивались русские путешественники.

Именно на непривычных вкусовых ощущениях Ближнего Востока мы остановимся в первую очередь при рассмотрении повседневной жизни этого далекого края. Впечатления, которые паломники получили от пищи на Востоке, были связаны с особенностями местного растительного мира. Во-первых, за несколько недель или месяцев паломники успевали соскучиться по родному ржаному хлебу, т. к. на Востоке употребляли только белый, который казался русским людям слишком пресным. Во-вторых, в их рационе стало больше рыбы, т. к. они путешествовали по приморским странам. В-третьих, русских поражала дешевизна и обилие таких фруктов, которые они могли покупать дома далеко не каждый день вследствие их дороговизны — апельсинов, винограда, персиков и т. п. [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 7, с. 291].

Самая повседневная пища в Восточном Средиземноморье была непривычной для паломников. Например, в России постный стол обычно состоял из каши, овощей, грибов и черного хлеба. В Палестине, Сирии, Египте им подавали в пост белый хлеб, фасоль, маслины, морепродукты и другие блюда, на вид и на вкус довольно экзотичные [Архангельские епархиальные ведомости. 1913, № 18, с. 506].

В частности, своего рода шок испытал А. Касторский, которому в одном из афонских монастырей подали кашу, заправленную оливковым маслом с «октоподами», которых автор — костромской священник — увидел и попробовал в первый и, вероятно, последний раз в жизни. «Октоподов» автор воспоминаний объяснил как «морских чудовищ с 8 ногами» [Костромские епархиальные ведомости. 1912. № 5, с. 149]. Он ни разу не употребил в своем мемуарном тексте привычное для нас слово, но ясно, что это были осьминоги. Слово «октопод» предстояло собой галлицизм, бытовавший в русском языке более ста лет назад.

В целом во время приемов (например, в Иерусалимской патриархии, у других православных иерархов) «протокольное» угощение показалась приехавшим с севера богомольцам не очень разнообразным, а гостеприимство — очень скромным по русским меркам. Е. Мерцалова и его спутников у митрополита Бейрутского потчевали лишь кофе и традиционным для Востока десертом под названием глико — вареньем с холодной водой [Олонецкие епархиальные ведомости. 1900, № 17, с. 618].

Большинство мемуаров, проанализированных нами, были написаны представителями духовенства. Естественно, что для авторов такое экономное угощение резко контрастировало с обильными и разнообразными по ассортименту трапезами, характерными в торжественных случаях для церковно-монастырской среды в России.

Только в резиденции митрополита Бейрута, по свидетельству А. Касторского, им дали, наряду с кофе и вареньем, также чай, рахат-лукум и даже... папиросы. Угощение табаком русских паломников неприятно удивляло, т. к. в России в церковной среде курение было запрещено [Костромские епархиальные ведомости. 1911, № 13, с. 394].

Россиян изумляла не только необычность пищи на Востоке, но и удивительная дешевизна тех продуктов, которые у них на родине стоили весьма дорого. Например, соловецкому игумену Никандру и его спутникам в Яффе (служившей морскими воротами Палестины) прямо на корабле предложили купить апельсины, от которых русские паломники просто не смогли отказаться, т. к. цена крупного плода составляла всего 1 копейку [Архангельские епархиальные ведомости. 1913, № 20, с. 562].

Хотя основной целью российских паломников на Востоке являлось поклонение святыням вселенского христианства в Палестине, мемуаристы, будучи в большинстве своем людьми образованными и любознательными, с интересом осматривали местные «мирские» достопримечательности. Многие из наших путешественников по дороге в Палестину останавливались в Греции (Пирее и Салониках), Египте (Александрии и Каире), об истории которых они много читали и слышали еще в детстве и юности во время обучения в гимназии или в духовной семинарии.

Н. Гусев вместе со своими спутниками по дороге в Палестину попал в Пирей. К его глубокому разочарованию, остановка здесь была настолько короткой, что они не смогли посетить Афины, расположенные неподалеку. Затем паломники прибыли в Александрию, где у них свободного времени было гораздо больше. Поэтому они направились в Каир, а затем испытали совершенно новые ощущения от путешествия на лодке по Нилу и на осле по пустыне, осматривая достопримечательности как христианские, так и «языческие», по определению автора мемуаров (т. е. древнеегипетские), в том числе пирамиды. Также Н. Гусев посетил большой музей египетских древностей в Каире [Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 8, с. 339, 342—345].

Интересовались паломники не только памятниками архитектуры и музеями, но и местной народной культурой. Д. Смышляев рассказывал в своих путевых записках о местном кукольном народном театре. В Яффе на гуляниях по случаю окончания рамазана он в крытом камышом балагане увидел и услышал Карагёза — турецкого аналога русского Петрушки: «...его, по всей вероятности, непристойные шутки сопровождают глухие звуки турецкого барабана» [Смышляев, 2008]. Впрочем, Д. Смышляев, вероятно, вспомнил, что и отечественный Петрушка порой употреблял ненормативную лексику, вызывавшую где-либо на ярмарке одобрительную реакцию простонародья.

Большой знаток Палестины, руководитель Русской духовной миссии в Иерусалиме игумен Антонин Капустин в одном из своих очерков высказал мнение о том, что арабы — «крикливейший народ на свете» [Антонин, 2010]. Хотя эта характеристика выглядит как субъективное мнение отдельно взятого человека, об эмоциональности местных жителей сохранились многочисленные свидетельства

русских богомольцев. На страницах их мемуаров встречаются исключительно колоритные сцены повседневной жизни, которые они наблюдали. Е. Марков со своими спутниками был свидетелем продолжительной перепалки двух арабских женщин и оставил описание ее: «Сравнительно с этой неистойой, ни на миг не смолкавшей, непрерывно разрастающейся, неудержимо остервенявшейся ругней арабских женщин русская базарная ругань просто сентиментальное воркование». Е. Марков авторитетно утверждал, что это были «настоящие виртуозки своего дела», а содержание их беседы было ясно и без переводчика: «Злобные завывания и торопливые захлебывания собственным бешенством пояснили нашей неопытности лучше всякого лексикона содержание этой оживленной беседы двух подруг» [Марков, 1891].

Паломничество отечественных богомольцев в Палестину сопровождалось страхами: одни из них носили неясный характер, другие имели совершенно определенное происхождение. Они стереотипно вырабатывались у потенциальных паломников еще во время их сборов в Палестину и основывались на слухах и рассказах бывалых путешественников. Страхи заключались в том, что во время передвижения по пустынным местностям богомольцев могут ограбить и даже убить дикие кочевники-бедуины. Правда, среди паломнических текстов, использованных нами в статье, нет ни одного, в котором фиксировалось бы ограбление, жертвой которого стал сам автор. Однако в источниках изредка встречаются упоминания о том, что это произошло с «кем-то другим» или «в прошлом году».

Определенная почва для такого рода страхов все же имелась: турецкие власти поддерживали порядок только в городах, а за их пределами зачастую царил первобытный правый сильного. Е. Мерцалов достаточно рельефно излагает эти очень живучие страхи, называя бедуинов более привычным для него словом: «Эти башибузуки, как известно, только в стенах караван-сараев друзья «москов» и «франков»; на воле же они подвержены удивительным метаморфозам: разделяя с вами кров и пищу, они, не задумываясь, обернут вас при незначительном перевесе сил на просторе пустыни; донага разденут богомольца, угонят стадо у зазевавшегося пастушонка». [Олонецкие епархиальные ведомости. 1901, № 19, с. 582].

В неприятное положение попал Е. Марков со своими спутниками, на склоне горы Фавор они столкнулись с бедуином лицом к лицу: «Он окликнул нас каким-то гортанным глухим криком; а проводник наш (араб из местных жителей — К. Б.) тем же карканьем ворона окликнул его». Неожиданно появившийся из ночной тьмы кочевник утверждал, что разыскивал на горе пропавших лошадей, но один из спутников Маркова уверял его, что бедуин намеревался ограбить путешественников, но при встрече с ними отказался от своего намерения, т. к. их оказалось много [Марков, 1891]. Неприятное впечатление русских от услышанной ими переключки двух арабов во многом объяснялось странным для них гортанным говором земляков. Оно напоминало карканье вороны, которое по русской фольклорной традиции не предвещало ничего хорошего.

Значительная часть известных нам мемуаров второй половины XIX — начала XX в. написана представителями духовенства. Вполне естественно, что их живо интересовала повседневная жизнь коллег, т. е. православных клириков на Ближнем Востоке. Здесь наши паломники тоже сталкивались со своего рода «экзотикой» повосточному. На пути из Иерусалима на гору Фавор путешественники из России, среди которых был священник Г. Корельский, остановились на ночлег в доме православного иерея-араба. Вся семья, состоявшая из самого священника, его жены, двух сыновей и дочери с зятем, ютилась в одной единственной комнате. Каменный пол в ней был покрыт циновками, потолок представлял собой настил из сухих сучьев, мебели практически не было, а одежду развешивали по стенам. Ужин, которым угощали русских паломников, состоял из чечевицы с крупой, а также арбуза,

дыни, винных ягод и винограда. Как видно из перечисленного ассортимента еды, она была необычной для русских и не отличалась особой калорийностью.

Арабский священник показал паломникам церковь, в которой служил. Мемуарист при этом не удержался от недоуменных восклицаний: «Боже мой, что это за церковь! Всюду запущенность, неряшливость и грязь!» Печальное положение многих православных храмов на Ближнем Востоке и служивших в них клириков порождали у наших паломников глубокое сочувствие и стремление чем-либо помочь. В то же время, до Г. Корельского дошли слухи о том, что местное православное духовенство специально содержали храмы в таком безобразном состоянии, чтобы склонить паломников из России к щедрым пожертвованиям в пользу братьев по вере [Архангельские епархиальные ведомости. 1912, № 18, с. 520—521].

В неблаголепном виде находились не только сельские храмы, но даже главная святыня христианства — храм Гроба Господня. Впечатления от его вида извне и внутри были неблагоприятными: «Разочарование ...увеличивается, — писал Е. Мерцалов, — по мере приближения к храму и скоро переходит в скорбное чувство при виде явных следов небрежения со стороны заведующих им: старинный карниз по местам обвалился, украшения на арках, особенно оконных, частью облупились, частью потрескались, а на подоконных выступах можно видеть слои пыли и высохшую траву» [Олонецкие епархиальные ведомости. 1900, № 23, с. 807].

Приехавшие в Святую Землю русские паломники довольно отчетливо ощущали свою национальную идентичность, особенно когда они с радостью обнаруживали, что они не одиноки в этом краю, далеком от родины. Действительно, им доводилось практически ежедневно встречаться здесь со своими соотечественниками и слышать звуки родной речи. Еще в первой половине XIX в., когда наших богомольцев в Святой Земле было совсем немного, А. Муравьев в своих записках о путешествии 1830 года особо отметил свою встречу с земляками: «Странно и приятно поразил меня звук языка родного в Иерусалиме» [Муравьев, 2007]. Действительно, язык служил главным инструментом ориентации в дихотомии «свой/чужой» и маркером национальной идентичности. Чувства растерянности и дискомфорта, овладевавшие человеком в чуждой национальной, религиозной среде, притуплялись при «звуке языка родного».

К. Соколов, побывавший в Палестине накануне Крымской войны, т. е. через два с лишним десятилетия после А. Муравьева, обнаружил здесь гораздо больше паломников, чем его предшественник. Посещая святыни вселенского христианства, он часто слышал «родной язык со всеми его мелодическими отливами». К. Соколов отмечал, что русская речь «порадует ваше ухо и в Юдоли Плача, и в долине Иосафатовой, и на вершинах Сиона или горы Элеонской!» Далее тот же паломник не без гордости утверждал, что русский язык становился действенным средством межнациональной коммуникации в Палестине, наиболее употребительные русские слова были хорошо известны многим местным арабам, евреям, туркам, армянам. Автор хорошо понимал их ломаный русский и сам был способен втолковать местным жителям, что от них хочет: «Язык русский, благодаря постоянным, ежегодным приливам наших земляков в Палестину, — едва ли не делается общепринятым в кругу постоянных Иерусалимских обитателей. По крайней мере я, говоря по-русски, не только легко мог расспрашивать, что хотел, — ходить куда мне приходило на ум, — покупать различные вещи у евреев, турков и армян, не иначе сводящих свои счета, как по-старинному, на ассигнации, — но иногда был переводчиком для своих сопутников, уверявших, что в Иерусалиме мне хорошо, как дома» [Соколов, 2015].

Если в первой половине XIX в. в Палестину ехали десятки паломников, то в 1870-х годах их были уже сотни. В это время архимандрит Антонин Капустин отмечал, что прибывших в Палестину наших земляков уже при высадке с парохода в Яффе лодочники и носильщики приветствовали на ломаном русском языке «драстуй»,

«хорош». Рассказывая о многочисленных иерусалимских маргиналах, очень рассчитывавших на нищелюбие русских паломников, тот же автор пишет, что это их встречали «несчастные калеки — слепые, хромые, колченогие, совсем безногие, полюбнаженные..., жалобно вопиющие: «...христарад! Слипи — хлеба! Здрасту — една паричка!» (в переводе на понятный русский язык: «Христа ради. Слепому — хлеба. Здравствуй — одна паричка» (мелкая турецкая монета) [Антонин, 2010].

Идентичность проявлялась и на невербальном, в том числе на «желудочном» уровне. Большинство паломников во второй половине XIX — начале XX в. проживали в Иерусалиме на Русских Постройках — комплексе зданий, в состав которых входили гостиничные номера и хостел, столовая, русская баня и т. п. Здесь их кормили совсем по-домашнему, их ждал самый обычный, но сытный, обед: суп, жаркое, пирожки и фрукты на десерт. Это нравилось нашим путешественникам гораздо больше экзотичных октоподов, оливок или фасоли [Вятские епархиальные ведомости. 1896, № 22, с. 1110].

Особенности восточного христианства в Палестине

Наши паломники ехали на Восток для поклонения святыням вселенского христианства, находившимся в Восточном Средиземноморье, православные храмы здесь принадлежали греческой церкви Иерусалимского патриархата. Литургические практики и обряды этой церкви довольно существенно отличались от того, что наши паломники видели и слышали у себя дома в храмах Русской церкви. Особенно пристальное внимание обращали на эти отличия паломники из среды духовенства, профессионально разбиравшиеся в деталях богослужения, во внутреннем устройстве храмов. Некоторые из русских клириков по благословению иерархов Иерусалимской церкви принимали непосредственное участие в богослужениях в храмах Иерусалима, Вифлеема, Назарета.

Большой неожиданностью для православных паломников из России становилось отсутствие иконостасов в греческих церквях. Иконостас появился в России во времена глубокого средневековья, он отделял алтарь от основного пространства храма. Вместе с находившимися в нем иконами он стал неотъемлемым элементом русской православной культуры. В России во время тех или иных священнодействий иконостас скрывал духовенство от взглядов молящихся. Поэтому в палестинских храмах наши иереи чувствовали себя во время богослужения не очень удобно в процессе богослужения. В. Крючков, приехавший в Вифлеем, был поражен, что в местном храме Рождества Христова между молящимися и алтарем не было не то что иконостаса, но даже тканевой завесы, которую он перед этим видел в иерусалимском храме Гроба Господня [Олонецкие епархиальные ведомости. 1912, № 7, с. 151].

Для священника А. Касторского из Костромы большой новостью стало то, что в православных храмах на Ближнем Востоке отсутствовали привычные для русских паникадила, которые подвешивались к потолку и составляли важную деталь внутреннего устройства русской церкви. Вместо него в греческом храме над молящимися были рядами развешаны отдельные лампы. Также костромскому иерею бросилось в глаза то, что в Палестине при церковном звоне раскачивают сам колокол, а не его язык [Костромские епархиальные ведомости. 1911, № 15, с. 466].

А. Касторский и вятский священник А. Трапицын отмечали, что в греческих православных храмах, как и в католических, есть стасидии — места для сидения, а также (как в мусульманских мечетях) существуют особые отделения для женщин на хорах, называвшиеся генеконами [Вятские епархиальные ведомости. 1895, № 6, с. 199].

Долгое время власти Османской империи не разрешали колокольный звон в христианских храмах. Поэтому призыв на богослужение здесь осуществлялся иным

образом: монахи колотили палкой по деревянной доске. Звук получался глухим и совершенно непривычным для ушей русских верующих. Н. Адлерберг, услышав его, отмечал, что «звук этот имеет в себе что-то мрачное и неприятно поражает слух и чувство» [Адлерберг, 2008].

Во время паломничества русским доводилось не раз слышать греческое церковное пение и сопоставлять его с тем, что они с детства слышали в отечественных храмах. Это сравнение однозначно делалось в пользу русских православных напевов. Н. Чукмалдин, оценивая греческое пение в храме Рождества Христова в Вифлееме, писал, что богослужение носило «поэтично-благоговейный отпечаток», но при этом делал оговорку: «если бы не портило такое впечатление нестройное церковное пение» [Чукмалдин, 1899]. Более откровенно оценил особенности греческой гимнологии Е. Марков: «Они пели безжалостно режущим ухо, унылым напевом, не имеющим ничего общего с торжественными и стройными звуками русской церковной песни» [Марков, 1891].

Другие особенности греческого православного богослужения вызывали если не неприятие, то удивление. Соловецкий игумен Никандр обратил внимание на то, что в храме Гроба Господня в Иерусалиме архиерейское служение не отличалось большим благолепием и торжественностью, которые, казалось бы, приличествовали высокому статусу этого собора. Патриарху Иерусалимскому при его прибытии в храм торжественной встречи не устраивали, он просто проходил в алтарь и облачался в необходимые по ходу службы ризы. [Архангельские епархиальные ведомости. 1913, № 17, с. 478]. Е. Мерцалов отмечал, что степень торжественности архиерейской службы в храме Гроба Господня было заметно меньше, чем в России, и приводил услышанные им характерные отзывы отечественных паломников. Выходя из храма, они говорили: «Эх, если бы нашего архиерея сюда, совсем не то было бы!» [Олонецкие епархиальные ведомости. 1901, № 11, с. 339].

Нашим паломникам доводилось видеть и слышать, как в палестинских храмах правили свои службы, наряду с греками, монофизитские восточные церкви — коптская, абиссинская (эфиопская), сиро-яковитская. Их литургия на слух русских паломников казалась тоже по своему «экзотической», а точнее — совершенно не гармоничной. Архимандрит Антонин Капустин в Вифлееме на Рождество Христова, услышал, как «начали раздаваться нестройные звуки коптского пения, перед которым и греческое казалось уже как бы симфонией». Отцу Антонину пришло в голову любопытное сравнение, когда он услышал пение христиан-абиссинцев, напоминавшее «попытки детей распевать по нотам, о которых они не имеют никакого понятия, — совершенно нескладное и даже как бы не гортанное, а носовое или брюшное» [Антонин, 2010].

Е. Марков в Палестине во время службы коптов слышал лишь «нелепые завывания и крики». Далее, говоря о них, а также об абиссинцах и сирийцах, он продолжал: «В богослужении этих исповеданий можно мало уловить похожего на нашу православную службу; а когда посмотришь на богомольцев, окружающих эти алтари, на черные как сапог лица абиссинцев, на белые и черные чалмы, на громоздкие разноцветные тюрбаны, когда услышишь этот гортанный, почти не человеческий язык — право, верить не можешь, что это тоже наши братья по Христу» [Марков, 1891].

С другой стороны, некоторые детали богослужебной практики в греческих церквях и сопутствовавшие ей обряды нравились нашим паломникам, например, что для благоухания в храмах разбрасывали лавровый лист [Архангельские епархиальные ведомости. 1913, № 15, с. 422]. Священник Г. Корельский, побывавший на Преображение на горе Фавор особо отметил в своих записках, что на этот день, именуемый в России яблочным спасом, на Востоке освящались и раздавались

верующим не яблоки, а «гроздия», т. е. виноград [Архангельские епархиальные ведомости. 1912, № 18, с. 525].

Богомольцы из России испытывали настоящий шок при первом же посещении главной христианской святыни — храма Гроба Господня в Иерусалиме. Как свидетельствовал А. Трапицын и многие другие паломники, в этом городе караул рядом с храмом и внутри него несли... турки: «...с первого же шага наше религиозное чувство было оскорблено; с левой стороны у дверей внутри храма сидели на возвышении, устроенном наподобие нар, три турка в чалмах и курили наргилэ (кальян — *К. Б.*)». Особенное возмущение русских паломников вызывало то, что иноверцы осмеливались курить в христианском храме. Проводник объяснил нашим паломникам, что стража находится здесь для прекращения конфликтов, которые время от времени происходили в храме между различными его хозяевами — православными греками, католиками и армянами. В этих шумных спорах и даже кровопролитных драках участвовало как духовенство, так и миряне. [Вятские епархиальные ведомости. № 6, с. 237].

Причиной другого религиозного и культурного шока наших паломников становилось поведение православных арабов, которые составляли значительную часть молившихся у Гроба Господня. Вследствие своей южной экспансивности они были не способны хранить молчание даже во время торжественного богослужения, не стеснялись во всеуслышание выражать свои чувства, громко разговаривать или просто очень шумно двигаться.

На эту особенность обстановки в храме Святого Гроба и в других церквях Палестины одним из первых среди отечественных паломников обратил внимание посетивший Святую Землю в 1830 г. А. Муравьев. Оценив в мемуарах поведение арабов довольно сдержанным словом «неблагодичиние», он на самом деле был глубоко возмущен увиденным и услышанным. В день страстной пятницы А. Муравьев столкнулся в храме Гроба Господня с «шумными поклонниками веры православной» — полудикими арабами, прибывших сюда из пустыни. Они выражали свое отношение к этому трагическому дню хохотом, битьем в ладоши, криками. Возмущенный Муравьев позвал турецкую стражу, которая на время утихомирила арабов. На следующий день — в страстную субботу в том же храме ситуация повторилась. Глубоко переживая пережитый им стресс, А. Муравьев сетовал в своих мемуарах: «я с разбитым сердцем исторгся из ...Храма Христова, где уже не было более места для христианина» [Муравьев, 2007].

Впрочем, отношение к такого рода «неблагодичинию» зависело от того, как воспринимал тот или иной мемуарист увиденные им события. Священник из Волынской губернии Н. Карашевич описывал увиденное им в храме Гроба Господня схождение благодатного огня в субботу накануне Пасхи. Перед началом этого ежегодного повторявшегося чуда арабы с громкими криками начали бегать по храму. Их радостные возгласы автор перевел на русский язык так: «Турок верой не хорош, армянин верой не хорош, католик верой не хорош, только арабов и греков вера хороша, тверда и несокрушима». Турецкая охрана храма и солдаты пытались утихомирить их, но они в состоянии эйфории даже не чувствовали боли от наносимых им ударов [Волыньские епархиальные ведомости. 1874, № 23, с. 843—845]. Отношение автора к этому эпизоду выглядит двояким. С одной стороны, для него поведение арабов представлялось явно не адекватным, т. к. в России в церкви необходимо было соблюдать благочиние и тишину. С другой стороны, автор не склонен был слишком строго осуждать излишне шумных приверженцев православия. Для него они — не более чем дети природы, которые выражали свой религиозный восторг привычным и доступным для них способом.

Заключение

Подводя итоги, начнем с банальной истины о том, что из любого путешествия путник привозит целый ворох впечатлений. Как правило, среди них преобладают позитивные, но не обходится и без негатива. Именно это происходило с российскими паломниками, которые ехали на Ближний Восток для поклонения находившимся там святыням вселенского христианства. Посещение последних составляло главную цель богомольцев, и на это уходила большая часть времени их пребывания на Востоке.

То, что они вплотную соприкасались с сакральными хронотопами — как библейскими, так и евангельскими, приносило нашим богомольцам глубокое удовлетворение. Уезжая на родину, они увозили не только бутылочки с иорданской водой и веточки оливы, но и сознание того, что им удалось осуществить очень важную личную миссию.

Во время своих странствий по сакральным местам и мирским достопримечательностям путешественники из России, сами о том не догадываясь, проходили очень важный для них процесс самоидентификации. Он происходил, когда в крае, на тысячи верст удаленном от родины, россияне одновременно сталкивались с местными жителями, принадлежавшими к чуждому этносу и чужой религии, а также со своими земляками, которые приехали в Палестину с теми же паломническими целями. Самоидентификация, как нам кажется, происходила на трех уровнях. Первой во временной последовательности обычно следовала идентификация религиозная. В ходе ее паломники, будучи в инославном и иноверном окружении, острее, чем у себя дома, осознавали себя православными людьми. Позже религиозной идентификации, а, может быть, одновременно с ней следовала идентификация национальная и социально-культурная, в ходе которой путешественники отчетливо ощущали свою национальную принадлежность, осознавали себя носителями соответствующей культуры и языка. Они убеждались в том, что вера у русских и греков, конечно, одна, но обрядовая сторона ее в Русской церкви лучше, эстетичнее и «правильнее».

Во второй половине XIX в. в Иерусалиме и в других городах Восточного Средиземноморья сложился такой своеобразный духовный и социально-культурный феномен как Русская Палестина. Его можно рассматривать в узком смысле как комплекс построек, возведенных на государственные, общественные и частные средства в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете и в др. местах, где находились подворья для паломников, русские храмы, больницы, школы для местных жителей и другие социокультурные заведения. Русской Палестиной в широком смысле можно назвать также тысячи русских паломников, которые ежегодно приезжали в эти далекие края. Можно утверждать, что пространство Русской Палестины расширилось и за счет местных жителей, которые привыкли общаться с русскими богомольцами, для чего выучивали несколько десятков необходимых им в разговоре русских слов и фраз. Это общение с арабами на ломаном русском языке также по своему способствовало национальному и социокультурному самоопределению паломников. Как известно, язык является главным средством и одновременно маркером национальной и культурной идентификации.

К числу позитивных впечатлений, которые получили паломники на Востоке, относилась также увиденная ими экзотическая природа. «...Природой не налюбуешься... Такой красоты в наших широтах не увидишь» (Вятские епархиальные ведомости. 1913. № 18, с. 511), — не скрывал своих чувств игумен Никандр. Восприятие красот природы многократно усиливалось тем, что эти места были самым тесным образом связаны с событиями Ветхого и Нового Заветов, о которых они знали с детства.

С другой стороны, у паломников накапливались и отрицательные впечатления во время их путешествия. Их очень огорчало, что священные для них места находятся под властью иноверных, т. е. Османской империи, в которой существовали свои ограничения для христианских литургических практик. Не радовало и то обстоятельство, что богомольцам было трудно сосредоточиться и поразмышлять о вечном из-за шума разноязычной толпы, постоянного вторжения окружающего профанного мира в сакральное пространство. Но в целом, если положить на чаши воображаемых весов негативные и позитивные впечатления, последние все же перевешивали. Российские паломники в большинстве своем возвращались домой глубоко удовлетворенными своей поездкой на Восток.

Список источников

- Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. Сочинения графа Н. Адлерберга. М.: Индрик, 2008. 296 с.
- Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866-1891. М.: Индрик, 2010. 512 с.
- Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме. М.: Индрик, 2007. 256 с.
- Архангельские епархиальные ведомости.
Волынские епархиальные ведомости.
Вятские епархиальные ведомости.
Костромские епархиальные ведомости.
- Марков Е. Путешествие по Святой Земле. Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб., 1891.
- Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам в 1830 году. М.: Индрик, 2007. 344 с.
- Олонецкие епархиальные ведомости.
Смышляев Д. Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М.: Индрик, 2008. 288 с.
- Соколов К. А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 года // Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 17-90.
- Чукмалдин Н. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899. 80 с.

References

- Adlerberg, N. V. (2008) *Iz Rima v Ierusalim. Sochineniya grafa N. Adlerberga* [From Rome to Jerusalem. Writings of Count N. Adlerberg], Moscow: Indrik.
- Antonin, (Kapustin), arhimandrit (2010). *Iz Ierusalima. Stat'i, ocherki, korrespondencii. 186 — 1891* [From Jerusalem. Articles, essays, correspondence. 1866—1891], Moscow: Indrik.
- Antonin, (Kapustin), arhimandrit (2007). *Pyat' dnej na Svyatoj Zemle i v Ierusalime* [Five Days in the Holy Land and Jerusalem], Moscow: Indrik.
- Chukmaldin, N. (1899) *Putevye ocherki Palestiny i Egipta* [Travel sketches of Palestine and Egypt], Ekaterinburg.
- Markov, E. (1891) *Puteshestvie po Svyatoj Zemle. Ierusalim i Palestina, Samariya, Galileya i berega Maloj Azii* [A journey through the Holy Land. Jerusalem and Palestine, Samaria, Galilee and the shores of Asia Minor], St. Petersburg.
- Murav'ev, A. N. (2007) *Puteshestvie po svyatyim mestam v 1830 godu* [Journey through the Holy Places in 1830], Moscow.: Indrik.
- Smyshlyaev, D. D. (2008) *Sinaj i Palestina. Iz putevyh zametok 1865 goda* [Sinai and Palestine. From travel notes of 1865], Moscow.
- Sokolov, K. A. (2015) *Putevye vpechatleniya po Palestine i Sirii vesnoj 1853 goda* [Travel impressions of Palestine and Syria in the spring of 1853], *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. Vyp. 111* [Orthodox Palestine Collection. Vol. 111], Moscow: Indrik, 2015. S. 17—90.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 31.03.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 31.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Кирилл Евгеньевич Балдин — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия. E-mail: kebaldin@mail.ru

Kirill Baldin — Dr. Sc. (History), Professor at the Department of History of Russia, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation.

Тема номера. ВОСТОК
The theme of the issue. EAST

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 23—32.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 23—32.

Научная статья

УДК 1(091)(470+571)

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.2

**БЛОКАДА В КНИГЕ:
СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ**

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
markovius@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается катастрофическая версия ориентализма, предложенная русскими писателями Китая Софьей Зайцевой и Кириллом (Константином) Зайцевым. Автобиографические повести Софьи Зайцевой и религиозная философия права Кирилла Зайцева оказываются частью единого осмысления катастрофического опыта XX века, после которого уже невозможно его эмоциональное иллюстрирование, но только дальнейшее проживание в опоре на структуры высказывания и умолчания. Основываясь на исследованиях коллективных травм, можно говорить об особом типе блокады прямого высказывания в таком опыте: высказывание понимается не как часть рутинной коммуникации, но как часть институционализованного существования книги, со своими порядками индивидуации опыта. Книга оказывается не источником мыслей и эмоций, но особым аппаратом сохранения и признания чужого опыта в ситуации катастрофы. Наследие этих писателей, которое по отдельности выглядело бы как сентиментальное и сверхконсервативное в эстетическом и политическом плане, оказывается одним из первых на русском языке опытов исследования всемирных катастроф XX века как неотменимых и не допускающих применение готовых речевых стратегий. Автобиографические повести Софьи Зайцевой могут быть соотнесены с критикой ориентализма, а идеи Кирилла Зайцева — с богословием после Холокоста.

Ключевые слова: русская эмиграция, русский Китай, исследования травмы, философия молчания, Холокост, ориентализм, катастрофический опыт, функции речи, мотив книги в литературе

Для цитирования: Марков А. В. Блокада в книге: страница из истории русской эмиграции в Китае // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 23—32.*

Original article

THE BLOCK(ADE) IN THE BOOK: A PAGE FROM THE HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA

Aleksandr V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

Abstract. The article deals with the catastrophic version of Orientalism proposed by Russian writers of China Sofya Zaitseva and Kirill (Konstantin) Zaitsev. The autobiographical stories of Sofya Zaitseva and the religious philosophy of law of Kirill Zaitsev proved to be part of a single understanding of the catastrophic experience of the 20th century, canceling any emotional illustrations and allowing only living experience expressed in the structures of utterance and silence. Based on studies of collective trauma, I speak of a special type of blockade of direct utterance in such experience: the speech is understood in the sources under analysis not as part of routine communication, but as part of the institutionalized existence of the book, with its own patterns of individuation of common experience. The book as a phenomenon turns out for these writers to be not a source of thoughts and emotions, but a special apparatus for preserving experience and recognizing the other's experience in the catastrophe. The legacy of these writers, which at first looks sentimental and ultra-conservative in aesthetic and political terms, proved to be one of the first in Russian experience of studying the global catastrophes of the 20th century as irrevocable and not allowing the use of routine speech strategies. The autobiographical stories of Sofya Zaitseva could be correlated with the criticism of Orientalism, and the ideas of Kirill Zaitsev with theology after the Holocaust.

Keywords: Russian emigration, Russian China, trauma studies, philosophy of silence, Holocaust, Orientalism, catastrophic experience, functions of speech, motif of a book in literature

For citation: Markov, A. V. (2022) Blokada v knige: stranica iz istorii ruskoj emigracii v Kitae [The block(ade) in the book: a page from the history of Russian emigration in China], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 23—32.

Ориентальные мотивы в литературе могут создаваться с разными целями и эффектами; но нас в этой статье интересует восточное только как место перехода к другому качеству речи. Необходимость констатировать чужой быт и его явления, при этом определив себя в качестве человека, способного постигать различные культуры или по крайней мере говорить о них, не позволяет речи наблюдателя остаться такой, какой она была прежде, привычно вовлеченной в действие и движущейся по путям коммуникации, где всё узнаваемо, как происходящее, так и слово о происходящем. Восточное вообще оказывается местом преткновения, где речь может быть собрана только как поддерживающая новую систему дистанций, которая не следовала из прежнего устройства речи.

Такое преткновение становится практически непреодолимым, если дистанции оказываются частью пережитой большой катастрофы, причем если речь в произведении идет не об уходе от катастрофы, не о различных паллиативах, как это происходит в некоторых произведениях эмигрантской литературы, а о ее принятии. Следует пояснить, что под принятием мы понимаем что-то вроде допущения тотальности катастрофы, что нечто исчезло из мира, что более не восстановишь, — и простым перемещением и вовлеченностью в новые сообщества и проекты невозможно преодолеть уже произошедшее исчезновение. Тогда ориентальные образы, со всей их оптикой, известной нам из *критики ориентализма*, оказываются тем, что правильнее было бы назвать «блокадой в слове», невозможностью сказать нужное слово, несмотря на казалось бы все имеющиеся в распоряжении слова.

Понятие «Блокада в слове» было введено в книге Ирины Сандомирской [Сандомирская, 2013] применительно к большому кругу мыслителей советского времени, от В. Шкловского и Л. Гинзбург до Э. Ильенкова, которые, существуя в очень смещенном контексте производства гуманитарного знания, как из-за идеологического давления, так и из-за особых режимов проведения конкретных исследований, не могли сказать главное. Их основную мысль или задачу в каждый период их творчества мы реконструируем из тех частных задач, которые оказались привязаны к конкретной работе институций и выявлены внутри этой работы. Такая *блокада в слове* не сводится к самоцензуре, но стоит ближе к переживанию горя: как горе не позволяет высказать самое главное ценностное ядро жизни, хотя при этом на периферии своей деятельности ты можешь выполнять любые задачи в соответствии с существующими инструкциями, так и блокада в слове не разрешает говорить об общей цели философии и гуманитарного знания, хотя ряд новаций в профессиональной деятельности могут показать, где именно эта блокада произошла.

Несмотря на всю методологическую продуктивность исследования Сандомирской, проблемой остается, как описывать те тексты или высказывания, которые производятся как события посттравматического существования, исследуемые специальными методами уже на достаточной дистанции, или как интеллектуальные жесты, которые могут найти прямое продолжение. Например, критику такой блокады, притязающей на успех интеллектуального жеста, представил Н. С. Плотников [Плотников 2010: 85], споря с попытками превратить русскую философию в ресурс успешной речи постсоветской философии. Плотников рассмотрел порядки аргументации в русской идеалистической философии как жест умолчания, превращаемый в высказывание, претендующее на обязательность. По выводам этого исследователя, Бердяев, отвергавший академизм в философии и выступавший как свободный мыслитель, но при этом широко использовавший аппарат академических традиций с целью дистанцироваться от них, частично принимая их как указание на дальнейшие процедуры работы, а частично обличая их, создавал странный жест принятия-отрицания. Это не позволяет прямо продолжать Бердяева как мыслителя, и здесь критика Плотникова напоминает то, как ведущий советский антиковед А. И. Зайцев критиковал О. М. Фрейденберг, одного из важнейших авторов блокадного во всех отношениях времени, видя в ней толкователя, а не академического исследователя [Жмудь, 2000: 8—9].

С другой стороны, современные антропологические исследования ставят вопрос о продолжении этой блокады уже после гибели ее непосредственных участников, как устройства горестных воспоминаний и запретов на эти воспоминания [Эткинд, 2016]. Блокада оказывается как бы двойной, но это не значит, что она не имеет сюжета индивидуации. Предложенный в новой книге И. А. Паперно подход [Паперно, 2021: 197—212] подразумевает, что любая блокада в слове, разрывая связи между понятиями и ощущениями, тем не менее имеет сюжет собственной индивидуации: она строится вокруг ключевого горестного события, такого как Первая или Вторая мировая война, голод, личная утрата или чувство потерянности поколения. Поэтому реконструкция блокады, заблокированных высказываний, прежде всего должна учитывать эффекты этого события, а уже потом — поиск изучаемым автором тех сюжетов и способов высказывания, которые позволяют и справиться с общей блокадой, и тематизировать событие.

В настоящей статье мы рассматриваем особый случай блокады в слове в русской литературе китайской эмиграции: автобиографических романах Софьи Зайцевой [Зайцева, 1947а; Зайцева, 1947б] и позднейшей религиозно-философской публицистике ее супруга, юриста и богослова Кирилла (Константина) Зайцева [Зайцев, 1970]. Все эти произведения исходят не просто из того, что прежняя Россия утрачена, но из того, что она утрачена бесповоротно. Единственным способом разговора

о происходившем стал эсхатологический: подробный отчет о том, что было в старой России, как именно там формировалась индивидуальная позиция субъекта в виду признаваемой уже из сегодняшнего дня смертности человека и всего мира.

От множества других эмигрантских писателей и мыслителей, с не менее эсхатологическими, ностальгическими и отчаянными настроениями, Зайцевы отличались именно вниманием к моменту *индивидуации* — в прошлом было существенно не то, как оно выглядело или работало, позволяя жизни продолжаться, но как в нем возникало индивидуальное, персонализированное, отличное от другого, которое сейчас может быть изображено только как находящееся в ситуации катастрофы.

Софья Артемьевна Зайцева (Аванова) (1899—1945) выросла в обеспеченной петербургской армянской семье, после эмиграции работала как преподаватель музыки в Берлине и Париже. Кирилл Иосифович Зайцев (1887—1975) происходил из петербургской интеллигенции, крестившихся евреев, принявших прежде всего ценности государственного служения. Он окончил Гейдельбергский университет, изучал право под руководством знаменитого Георга Еллинека, а позже в Политехническом институте в кружке П. Б. Струве; работал чиновником, а после эмиграции — журналистом в Париже у Струве, дружил с Буниным и вел с ним напряженный мировоззренческий диалог [Пращерук, 2021]. В 1930 году Кирилл Иосифович и Софья Артемьевна поженились.

В 1936 году Зайцев стал одним из руководителей русских высших учебных заведений в Харбине, с 1944 года он трудился священником в Шанхае. Супруга продолжала преподавать музыку в Китае и Японии и работать над автобиографической трилогией до безвременной смерти от туберкулеза. После победы революции Мао в Китае Зайцев, принявший монашество, перебрался в США, став примером «вторичной эмиграции» [Арустамова, Кондаков, 2021: 134], где и создал основные свои работы, в которых пытался осмыслить историческую катастрофу XX века, романтизируя опыт самодержавной России, но при этом отвечая своему времени. Там он и наладил издание книг, передающих и консервирующих духовный опыт исчезнувшей страны [Якушева 2013: 294]. Он стал одним из первых православных богословов после Холокоста, кто прямо назвал жертв Холокоста крещеными кровью и приравнял их к святым христианским мученикам первых веков, преодолевших свою блокаду в слове тем, что слова их предков о крови Христа «на нас и на детях наших» стали их исповеданием и фактом их несомненной святости. При всей внутренней аллегоричности такого умозаключения, оно было первым шагом православной традиции в сторону богословия после Холокоста.

Наша гипотеза состоит в том, что творчество супругов Зайцевых представляет собой особую блокаду: не блокаду в слове, а *блокаду в книге*. Темой этого творчества стало не то, что невозможно подобрать слова, описывающие «прошлое», «Россию» и «Восток», но что сама книжная культура в катастрофическую эпоху не может быть такой, какой была раньше. Книги оказываются не источниками частных опытов, знаний и эмоций, но некоторыми структурами, которые могут воспроизводить себя и тем самым преодолевать катастрофичность истории. Действительно, перед нами всякий раз оказывается не привычное нам восприятие книг как источников эмоций, впечатлений и жизненных ориентиров; наоборот книги могут существовать только когда они осуществляют собственную индивидуацию независимо от наших режимов восприятия, выстраивают свои миры и свои порядки независимо от того, что нам запомнилось и чем мы прониклись. Такое отношение к книгам мы можем называть не «блокадой в слове», а «блокадой в книге».

Трилогия Софьи Зайцевой, в первых двух частях которой восточный мотив присутствует как горизонт опыта, представляет собой историю освоения в детском, отроческом и потом уже взрослом возрасте непривычного мира, который совсем не совпадает ни с теми идеями, что она внушает себе, ни с тем, как он выглядит поначалу.

Отсюда, вероятно, и та странность ее детского мира, нуждающегося в дешифровке, которую отмечали прижизненные эмигрантские критики [Рубан, 2021: 49]. Но странность и удивительность мира, в отличие от привычных нам автобиографических повестей, оказывается не одинарной, а как бы двойной: это и несоответствие мира ожиданиям, готовность его оказаться катастрофическим и приблизить развязку, и несоответствие мира его же первоначальному виду, где человеческие отношения, устройство школы, дачи, поездки, церкви или профессиональной деятельности оказываются совсем не такими, какими казались вначале, даже если были отмечены все существенные черты такого устройства, а люди были достаточно открытыми, чтобы всё объяснить.

По сути, книги эти и писались как преодоление «блокады в книге», как возможность сказать обо всем систематически в силу самого жанрового устройства биографической книги, самого требуемого набора элементов, механизмов ее самопроизводства, — чтобы исключить те самообманы, которые могут приносить книги. Книга тогда оказывается местом индивидуации опыта, но этот опыт не может быть отождествлен уже с индивидуальным опытом самой повествовательницы, а книга далее существует как некоторая часть общего опыта, как источник дальнейших индивидуаций. Соответственно, и описание книжного мира в этих автобиографических повестях подчинено той же идее книги и чтения как автономного действия, непроницаемого извне, но ключевого для сохранения общей культурной памяти.

В книге «Детскими глазами на мир» описывается открытие как собственной квартиры в детстве, особого мира жизни с сестрами и родными, так и смежных миров, таких как улица, театр, цирк, пригород и другие. Встреча с книжной культурой для нее — это встреча с отцовским кабинетом, но при этом книги там определяются не положительно, как некоторые особо значимые вещи, но отрицательно, в противоположность детскому опыту игровой вовлеченности, где книги с иллюстрациями и их чтение — часть игры и отношений с сестрами. Книги отца — это множество «раскрытых, тяжелых книг, без картинок и рассказов» [Зайцева, 1947а: 34]. Режимы чтения и учета у отца никак не совместимы с детскими, а единственное, в чем он совпадает, это в желании рисовать на полях газет и коробках от папирос, иначе говоря, хоть как-то развлечься, но развлечься полностью.

Впечатление о норме чтения маленькой героини повести — это цирковое впечатление от клоуна, который пытался научить свинью читать, надев на нее очки [там же: 44]. При этом эта мизансцена оказалась лишена того смысла пародий на педагогику, который в нее закладывался: героиня и подруги смеялись над самой ситуацией, а не над высказываниями, которые из-за смеха не слышали. Иначе говоря, чтение существенно не как предмет обыгрывания и тематизации, а как та ситуация, которой сразу можно противопоставить ситуацию живой реакции и живого участия.

Но такая самодостаточная индивидуация чтения размыкается в сторону общего переживания в одном месте повести — где читается текст, заведомо принадлежащий той книжной культуре, которая организована совсем иначе, чем привычная — армянской, пусть и русифицированной культуре. Приобщение к чтению как некоторой норме общего переживания — это армянская исповедь, по списку грехов где норму чтения создает, во-первых, растроганность, что все «выходили оттуда с заплаканными лицами» [там же: 94], далее, доступность текста, который написан от руки и поэтому даже если грехи непонятны, подразумевалось, что они понятны для тех, кто писал «четким крупным почерком». Таким образом, ориентальное как родное-экзотическое, исконное и непривычное, как раз и оказывается местом не оптики, но нахождения в центре переживания, значимого и для всех дальнейших личных и общих судеб, в том числе эсхатологических — готовности предстать Страшному суду.

Книга «У порога в мир» говорит далее об этом восточном мире. Наиболее тревожащая и щемящая тема повести — это встреча с родственниками, выяснение для себя сложного вопроса, кого считать родней: петербургский светский круг или традиционных жителей Кавказа и Закавказья. Здесь индивидуация книг обычно выглядит как отсутствие книг, как возможность заменить их любыми другими вещами в рутинном мире. Так, книжный мир в усадьбе — это мир отсутствия книг, где библиотека [Зайцева, 1947b: 126] превращена в выставку глиняных фигур, ремесло и причуда барина. «А в карточной висел его портрет над маленьким шахматным столиком, в углу». Навязчивости сюжетов книг противопоставляется навязчивое присутствие барина, который «неутомимо» создавал эти фигурки.

В этой повести об отрочестве С. Зайцева говорит о чтении книг не как о получении знаний или впечатлений, но как о восприятии неправильного понятия о самом начале творчества, об истоках того чувства, которое только и позволяет создавать книги. Книги внушают неправильное понятие о вдохновении, которое не может, исходя из сказанного в книгах, пониматься как полное самозабвение и невосприимчивость к окружающему миру. «Но уже и тогда я не могла себе представить, как это можно вдруг перестать видеть окружающее» [там же: 71]. Окружающий мир может предложить только два варианта ответа на вычитанный из множества книг принцип: потеря сознания и одержимость.

И то, и другое повествовательница наблюдала в реальной жизни, и именно от этого возникло недоверие к книжным источникам: то место, которое в книгах отводилось вдохновению, как мотиву действия героя и как мотиву вообще создания книг и всего, с книгами сопоставимого и в книгах упомянутого, никак не согласовывалось с наблюдаемым частным характером этого состояния. Получается, что книги выстраивают некоторое общее довольно эгоцентрическое поле, где прихоти писателей оказываются и прихотями природы, что сама Зайцева называет «ломанье и чепуха». Этому мнимому вдохновению она противопоставляет вовлеченное пение, обозначаемое понятием растроганности: увидеть бабушку, поющую восточную песню, означает и потом научиться петь так же растроганно. Иначе говоря, книга может быть принята только как не влияющая эмоционально на наш опыт, в отличие от песни, но только как самодостаточная структура, блокирующая себя, но и поэтому отвечающая не на твои вопросы, а на вопросы современности.

По сути, изображая книгу как постоянное копирование опыта независимо от режимов восприятия, Зайцева переигрывает общее место ориентализма, трактующее восточную жизнь как создание копий привычного быта, привычной жизни, даже на уровне человеческой физиологии. Эта ориенталистская оптика была присуща даже самым просвещенным современникам Зайцевых, например: «Девочки, которых они ведут за руку, их совершенные маленькие копии. Это женщины из египетских деревень» [Беляков, 2009: 275]. Здесь эта оптика оказалась ограничена книгой, и тем самым автономия восточной стихии, отказ от прежнего тотального ориентализма, позволила сосредоточиться на вопросе о природе катастрофы, пережитой человечеством в XX веке.

Положительный опыт книжности мы встречаем ближе к концу повести, где священник рекомендует знакомой повествовательнице читать Феофана Затворника [там же: 262]. Знакомая пренебрегла этим советом, рассчитывая, что священнику лучше заразить ее проповедью и личным примером. Любой аргумент, что Феофан Затворник писал доступно, и поэтому вполне объясняет все лично, отверглась. Для повествовательницы это признак просто некоторого нахальства: говорить о своих мучениях священнику и просить участия — как бы заявлять это публично, не справившись ни с какой работой в этой области нахождения ответов на вопросы. На фоне книжной индивидуации личная эмоциональность выглядит как публичная.

Кирилла (архимандрита Константина) Зайцева мы бы назвали просто сверхконсервативным мыслителем, почитателем опыта Московской Руси, сторонником сословного общества и «тягловой» системы взаимных обязанностей, не подразумевающей никаких прав, если бы он писал такое не в ситуации своеобразной блокады в слове, отсутствия той страны, о судьбе которой он пишет. Хотя на самом деле он скорее исследовал определенные порядки чудесного вмешательства, необычного хода событий, который только и позволяет посмотреть на катастрофу извне [Марков, 2021: 28], что может быть сопоставлено с позицией многих мыслителей, говоривших об особом *времени катастрофы*, от Вальтера Беньямина и Симоны Вейль до Эммануэля Левинаса и Алена Бадью. На это указывают и современные исследования, акцентирующие взгляд на сложную завершенность творчества как ядро его литературной критики [Телегина, 2017: 245—248].

Анализируя судьбы русского монашества, Зайцев выводил из монополии монашества на образование в России специфическое функционирование книг. В отличие от Византии, «отягощенной громадным наследием языческой древности» [Зайцев, 1970: 220], Русь могла производить только духовные книги, которые создаются монашеством и читаются именно как духовные. Зайцев указывает на Четьи-Минеи митрополита Макария: целью этого проекта было объединить все «чтомыя на Руси книги». И эти слова архимандрит Константин трактует не как указание на специфику церковных чтений, отождествление по умолчанию в документах чтения и церковного чтения, но как указание на то, что книги, имевшие настоящее существование, серьезно читавшиеся, изучавшиеся и переписывавшиеся, были книгами церковными. Существенны не их темы, а что они требовали тщательной работы, в том числе долгого переписывания, по сути отношения как к молитве, строительству храма или любому другому подобному делу, которое не терпит небрежности:

Протекли многие десятилетия, пока не были торжественно положены, как великия святыни, три списка — 12 гигантских фолиантов — один в Софийский собор Великого Новгорода, один в Успенский собор в Москве и один — в царский дворец. Действительно, все «на Руси чтомыя книги» были тут собраны — и все оне были религиозны! Почему так? Потому, что иной литературы, помимо религиозной, не знала Россия [там же].

В этом рассуждении замечательно, что книга как артефакт, часть литургического употребления и литургического постоянства храмового интерьера, оказывается и книгой как чтением, откуда и происходит в цитате идея «литературы», а не просто книги и чтения. Иначе говоря, всё, что читаемо, всё, что оказывается частью читаемого, оно уже почитаемо и уже встроено в систему функционирования большого культурного механизма Московской Руси. Книга не есть частное чтение, впечатлившее или побудившее к действию; она уже встроена как полностью прошедший индивидуацию инструмент в те действия, которые подчиняются литургическому порядку и соответствующему порядку принятия решений в сословном обществе. Такой правовой порядок, как считал Зайцев, может быть рассмотрен извне, и история императорской России как раз давала возможность извне рассмотреть сословную организацию обязанностей и соответствующих форм церковности, кодифицировать ее, юридически и экономически упорядочить, но он не может быть сведен к отдельным переживаниям, которые будут выглядеть упаднически. Тем самым путь от индивидуации книги к эсхатологическому описанию всей русской истории оказывается прямым, тогда как всякая экзотизация или ориентализация Московской Руси выглядела бы как неудачное эмоциональное заражение.

Нормализация Московской Руси в его текстах может показаться авторитарной, но на самом деле она тоже принадлежит этой индивидуации книги и соответствующей разблокировке всей истории. Москва понимается как «приказная изба, ведавшая службой и тяглом всего народа» [там же: 18]. Иначе говоря, как место

производства документов, которые не оцениваются эстетически или этически, но только проверяются потом народным благочестием — оно, исходя из того, что святой где-то рядом, что земные дела могут сопровождаться встречей со святым и соответствующим обращением, только и может оценивать политическую систему. Такая «слитность обыденного и святого» и позволяет поддерживать чтение как самоисполнение календаря, как тождество житий, которые могут быть воспроизведены и в частной жизни, как единственное основание достойной упоминания индивидуации.

При этом любое эмоциональное влияние книг для него сразу обедняло социальное бытие, превращая общий опыт во фрагментарные частные опыты. Так, Екатерининский век Зайцев понял как «тусклое время», где как раз элита очень произвольно устанавливает жанры книжного и текстового высказывания, от одического до сатирического, которые могут производить впечатление и влиять на умы, но никак не связаны с последовательностью внутренней жизни [там же: 85]. Тогда как настоящая индивидуация появляется дальше, в эпоху Павла I, который стал ограничивать патриархальный произвол и самодурство — в этом архимандрит Константин видел продолжение того эмоционального произвола, который приносит невоспитанное чтение, подбирая для этого сравнение «двусмысленная черезполосица» [там же]. Закон о престолонаследии и оказывается той *книгой*, тем текстом, который предназначен не для чтения, но для регулирования самих движений политической жизни, постоянно ставя ей препятствия, но именно тем самым и создавая ситуацию непосредственной реакции на происходящее, не опосредованной случайными вычитанными ассоциациями:

(...) Россия впервые узнала, что есть и должен быть во всем порядок законный, ограждающий каждого, и что произвол кого бы то ни было обретает границу не в произволе высшем, от которого защиту можно искать только в милосердии парящей над хаосом произвола Царской власти, практически почти и даже вовсе недоступной, а обретает над собою, исходящую с высоты престола, организованную силу порядка, нарочито призванную обуздывать произвол [там же: 86].

В этих словах, восхваляющих индивидуацию книги как кодекса, как источника разблокирования милосердия, содержится прямая полемика с сюжетом и моралью «Капитанской дочки» Пушкина, но также и новое понимание события как обретения того, что было не просто изобретено, но и организовано. Архимандрит Константин понимал Пушкина именно как человека равновесия, который настолько принадлежит внутренней жизни просвещенной культуры в ее собственном развитии, что из этого момента может увидеть и особенности «внутренней красоты русского быта» (34), но при этом именно как изобретателя, а не организатора. В случае Пушкина для него логика репрезентации заменяется логикой собственного производства во внутренней жизни тех самых соседств, которые и оборачиваются гениальностью или святостью. Но это производство есть система соседств, которые могут быть экзотизированы и усвоены, вызвать ту самую растроганность армянской исповеди, о которой писала Зайцева, но не Событие как таковое.

Кодификация права — *событие*, уже имеющее свою структуру, и поэтому только и способное придать структуру и высказыванию об этом событии, и высказываниям о смежных событиях — иначе говоря, только и позволяет автору писать о русской истории из эмигрантской ситуации. Именно таким *событием* и был для Зайцева собственно патриархальный строй — это могло бы опять быть нами оценено как сверхконсерватизм и сверхреакционность, но это означает лишь, что структура конфликтов патриархального типа только и позволяет создать книжное высказывание о них, которое весомо для последующих книг и не является произволом. Здесь происходит индивидуация, сбывается, а не применяется для того, чтобы сказать о ситуации. Где мы говорим о ситуации как итоге конфликта, происходит блокада в слове, где говорим о событии как предшествующих любых понятных нам конфликтах, там происходит только блокада в книге.

Список источников

- Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Через океан: Очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920—1930-е гг.). Пермь: ПГУ, 2021. 152 с.
- Беляков В. В. (сост.) И. Я. Билибин в Египте 1920—1925. Письма, документы и материалы. М.: Русский путь, 2009. 320 с.
- Жмудь Л. Я. А. И. Зайцев и его «Культурный переворот» // Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 3—29.
- Зайцев Константин (архимандрит). Чудо русской истории: Сборник статей, раскрывающих промыслительное значение Исторической России, опубликованных в зарубежной России за последнее двадцатилетие. Jordanville: Типография преп. Иова Почаевского, 1970. 324 с.
- Зайцева С. А. Детскими глазами на мир: Повесть из жизни Петербургской девочки. Шанхай, 1947. 140 с.
- Зайцева С. А. У порога в мир. Шанхай, 1947. 272 с.
- Марков А. В. Ангелология в русской интеллектуальной истории: несколько эпизодов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (24). С. 22—35.
- Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: Опыт чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.
- Плотников Н. Язык русской философской традиции. «История понятий» как форма исторической и философской рефлексии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 71—88.
- Пращерук Н. В. Пометы И. А. Бунина: внетекстовая реальность // Феномен затекста. Екатеринбург: УрФУ, 2021. С. 284—317.
- Рубан Н. А. Писатель русской эмиграции Софья Зайцева // Русский Харбин, запечатлённый в слове: Сборник научных работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой: пер. на кит. Ван Юйци, пер. на англ. О. Е. Цмыкал. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. С. 147—151.
- Сандомирская И. Блокада в слове: Очерки критической теории и биополитики языка. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 432 с.
- Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии архимандрита Константина (Зайцева) // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 234—251.
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
- Якушева О. В. Книгоиздательская деятельность братства имени преподобного Иова Почаевского (Ладомирово — Мюнхен — Джорданвилль) // Книга в современном мире: Материалы международной научной конференции, Воронеж, 26—28 февраля 2013 года. Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2013. С. 289—295.

References

- Arustamova, A. A., Kondakov, B. V. (2021) Cherez okean: Ocherki literatury russkoy emigratsii v Kitaye i v SSHA (1920—1930-ye gg.) [Through the ocean: Essays on the literature of Russian emigration in China and the USA (1920—1930s)]. Perm.
- Belyakov, V. V. (ed.) (2009) Ia. Bilibin v Egipte 1920—1925. Pis'ma, dokumenty i materialy [I. Ya. Bilibin in Egypt 1920—1925. Letters, documents and materials]. Moscow, 2009. 320 p.
- Zhmud, L. Ya. (2000) Zaitsev i ego "Kul'turnyi perevorot" [A. I. Zaitsev and his "Cultural Revolution"] Zaitsev A. I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII—V vv. do n. e.* [Zaitsev A. I. Cultural Revolution in Ancient Greece VIII-V centuries BC]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, pp. 3—29.
- Zaitsev, Konstantin (archimandrite). (1970). Chudo russkoi istorii: Sbornik statei, raskryvaiushchikh promyslitel'noe znachenie Istoricheskoi Rossii, opublikovannykh v zarubezhnoi Rossii za poslednee dvadtsatiletie [Miracle of Russian History: A collection

- of articles that reveal the providential significance of Historical Russia, published in foreign Russia over the past twenty years]. Jordanville (N. Y.): Typography Rev. Job Pochaevsky.
- Zaitseva, S. A. (1947a) *Detskimi glazami na mir: Povest' iz zhizni Peterburgskoi devochki* [Childish eyes on the world: A story from the life of a Petersburg girl]. Shanghai.
- Zaitseva, S. A. (1947b) *U poroga v mir. Shankhai* [At the Threshold of the World]. Shanghai.
- Markov, A. V. (2021) *Angelologiya v russkoi intellektual'noi istorii: neskol'ko epizodov* [Angelology in Russian intellectual history: several episodes]. *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series Philosophy. Sociology. Art Criticism], no. 1 (24), pp. 22—35.
- Paperno, I. (2011) *Sovetskaia epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh: Opyt chteniia* [Soviet era in memoirs, diaries, dreams: Reading experience]. Moscow.
- Plotnikov, N. (2010) *Iazyk russkoi filosofskoi traditsii. "Istoriia poniatii" kak forma istoricheskoi i filosofskoi refleksii* [Language of the Russian Philosophical Tradition. *History of concepts* as a form of historical and philosophical reflection]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 102, pp. 71—88.
- Prascheruk, N. V. (2021) *Pometry I. A. Bunina: vnetekstovaya real'nost'* [Marks of I. A. Bunin: extra-textual reality]. *Fenomen zateksta* [Phenomenon of beyond text]. Yekaterinburg. pp. 284—317.
- Ruban, N. A. (2021) *Pisatel' russkoi emigratsii Sof'ia Zaitseva* [Writer of Russian emigration Sofya Zaitseva]. *Russkii Kharbin, zapечатlennyy v slove: Sbornik nauchnykh rabot* [Russian Harbin, embodied in the word: Collection of scientific works], Zabayako, A. A., Efendiyeva, G. V. (eds), per. on a whale Wang Yuqi, trans. in English. O. E. Tsmykal. Blagoveshchensk: Amur State University, 2021, pp. 147—151.
- Sandomirska I. (2013) *Blokada v slove: Ocherki kriticheskoi teorii i biopolitiki iazyka* [Blockade in the word: Essays on the critical theory and biopolitics of language], Moscow.
- Telegina, S. M. (2017) *Lichnost' i tvorchestvo M. Iu. Lermontova v vospriyatii arhimandrita Konstantina (Zaitseva)* [Personality and works of M. Yu. Lermontov in the perception of Archimandrite Konstantin (Zaitsev)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], no. 2, pp. 234—251.
- Etkind, A. (2016) *Krivoe gore: pamiat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied]. Moscow.
- Yakusheva, O. V. (2013) *Knigoizdatel'skaia deiatel'nost' bratstva imeni prepodobnogo Iova Pochaevskogo (Ladomirovo — Miunkhen — Dzhordanvill')* [Publishing activities of the brotherhood named after St. Job of Pochaev (Ladomirovo — Munich — Jordanville)]. *Kniga v sovremenom mire: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Voronezh, 26—28 fevralia 2013 goda* [Book in the modern world: Proceedings of the international scientific conference, Voronezh, February 26—28, 2013]. Voronezh. pp. 289—295.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 27.03.2022; принята к публикации 31.03.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 27.03.2022; accepted for publication 31.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Александр Викторович Марков — доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: markovius@gmail.com

Aleksandr Markov — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 33—37.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 33—37.

Эссе

УДК 821.163.2

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.3

**СПЕШИ НЕ ТОРОПЯСЬ¹,
ИЛИ О ДВУХ СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ АВТОРАХ**

Сильвия Чолева

Издательство для поэзии ДА, Болгарское национальное радио,
София, Болгария, choleva_seson@yahoo.com

Для цитирования: Чолева С. Спешите не торопясь, или О двух современных болгарских авторах // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 33—37.*

Essay

HURRY SLOWLY, OR ABOUT TWO MODERN BULGARIAN AUTHORS

Silvia Choleva

Izdatelstvo za poezija DA, Hristo Botev Radio,
Sofia, Bulgaria, choleva_seson@yahoo.com

For citation: Choleva, S. (2022) Speshi ne toropyas', ili O dvuh sovremennykh bolgarskikh avtorakh [Hurry slowly, or About two modern Bulgarian authors], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 33—37.

Писать о современной болгарской литературе для людей, которые ее слабо знают или вовсе не знают, как-то странно, потому что каждый пишущий адресует свой текст кому-нибудь, хотя тот часто — собирательный образ. В этом тексте я решила рассказать о характерном явлении в нашей литературе начала нынешнего века — о “Скорой литературе” или “Быстрой литературе” (“Бърза литература”)²,

© Чолева С., 2022

© Люцканов Й., перевод на русский язык, 2022

¹ Или, конечно, “спешите не поспешая” — в зависимости от наших вкусовых предпочтений (Прим. перев.).

² Не только по букве словаря, но и по смыслу настоящего обзора возможен и другой перевод: “Неспешная литература”, т. к. болгарское выражение активизирует в почти равной степени оба ассоциативных ряда (и к “скорой помощи” — но и к “забегаловке”, к оставшимся от позднего госсocialизма вывескам “бърза закуска”, — и к “festina lente”). Возможен и вариант „Быстрая литература“, выбранный в свое время другим переводчиком (в статье Май Горчевой “У Одесской лестницы: русский канон в цитатной стратегии популярной болгарской литературы”, ж. “Политическая лингвистика”, 2014, № 1) (прим. перев.).

которое, хотя в свое время считалось малозначимым, но в настоящее время рассматривается как оставившее (значимый) след. Повод — новая книга рассказов одного из представителей этого направления: “По эту сторону смерти” (“От тази страна на смъртта”) Радослава Парушева. В качестве контрапункта я решила представить и сборник рассказов другого болгарского писателя, Чавдара Ценова, “Как-то раз” (“Имало един ден”)³, который, вовсе не объявляя себя представителем того или иного течения в нашей литературе, известен как один из “неторопливых” авторов.

Термин “Скорая литература” был введен поэтом Тома (Фомой) Марковым где-то в 2003—2004 гг. и около него оформилась группа более молодых, тогда еще начинающих, болгарских поэтов и писателей. “Это революция в языке, что прекрасно, так как иначе — всему крышка. Конец мира — не что иное, как конец языка”, — говорит он в интервью. Явление пережило быстрый успех тем, что вызвало интерес публики, превратясь во что-то вроде марки “городского”, раскрепощенной речи и арго, сочетания языков улицы и литературного — впрочем, 90-е годы 20 века уже положили основу этому — нестихающему действию, постмодерной игре с клише, агрессивной рекламе, групповому вхождению в литературный пейзаж. В то время вхождение в литературную среду со взломом воспринялось скорее всего как зыбь на поверхности воды, но годы показали, во-первых, что авторов “Скорой литературы” нельзя поставить под общий знаменатель, они писали по-разному, у каждого была своя специфика, и, во-вторых, — они затем стали хорошими писателями и поэтами, но не следуя слепо модели, которые до того сами себе задали. “Скорое” письмо, по словам одного из представителей группы стало “жертвой своего собственного успеха”, целостность была хрупкой и распалась — как быстро появилось, так быстро и закатилось, но, несомненно, оставило след.

Сегодня авторы “Скорой литературы” — состоявшиеся поэты и писатели. Один из них — Радослав Парушев, автор романов и книг рассказов, который, к сожалению, остался далеко от литературных призов, но зато обладает преданной читательской аудиторией. В другом направлении литературного письма, назовем его условно “неторопливого”, тоже есть хорошие образцы и авторы, которым и в голову не приходит определять себя как литературную группу. Это отдельные писатели и поэты, каждый со своим голосом и стилем. Многие из этих авторов работают в пренебрегаемом в последнее время беллетристическом жанре рассказа и создают чудесные произведения. Наиболее ярко заявил о себе в этом направлении, быть может, Чавдар Ценов, издавший несколько сборников рассказов и романов, один из лучших наших современных писателей, награжденный престижными наградами.

Оба автора пишут о горожанах, об их проблемах, о том, как ими переживается *переход*, затянувшийся на три десятилетия, что их волнует, во что они верят, как смотрят на прошлое и на настоящее. У обоих присутствует своеобразный для каждого юмор, ирония — более резкая и агрессивная у Радослава Парушева, более деликатная и меланхолическая у Чавдара Ценова. Наконец, у обоих в меру узнаваемый стиль письма, равно как и свои почитатели, а от последних требуется не только любовь к литературе, но и эрудиция, и чувство юмора.

Несмотря на эти сходства, они пишут очень по-разному.

³ Сочетание модифицирует стандартный сказочный зачин “имало едно време”. Замена “времени” “днем” как будто переводит подлежащее рассказу с нездешнего прошлого неопределенного в неотдаленную будничность, сохраняя хотя бы потенциальную двупланность. Мы не уверены в удачности своего перевода (прим. перев.).

В бытъ может пока лучшем сборнике рассказов Радослава Парушева “По эту сторону смерти” истории — пестрый калейдоскоп случаев и героев, находящихся на грани маниакальности, часто поступающих иррационально. Это люди, среди которых мы живем, но и люди, о которых слышим по новостям. Иные из рассказов даже напоминают киносценарии. Писатель проводит нас не только через настоящее, но возвращается и назад в историю, его воображение рисует дистопические картины и невероятные ситуации, как будто стремясь все время играть в прятки с читателем, ставить ему ловушки, бросать ему вызов не только случающимся, но и языком, доходящим иногда до вульгарности. Кажущаяся легкость, с которой прочитываются короткие, написанные с размахом и эффектно оканчивающиеся рассказы, разнообразие тем

и стилистических решений — все это оказывается с особенным “оттянутым” действием, и рассказы остаются в сознании, побуждая к размышлению.

Не менее запоминающиеся рассказы Чавдара Ценова, их эхо долго откликается в читателе, хотя они совсем иные. Вышедший недавно сборник “Как-то раз” — репрезентативное собрание его работ с 1975 года по наши дни. В очередной раз мы убеждаемся в повествовательском таланте автора, в его мастерстве при орудовании языком. В течение нескольких лет он, конечно, изменялся, и чеканил свою манеру письма, но одно оставалось неизменным — одухотворенность его рассказов. Что касается его тем и героев, Чавдар Ценов говорит в интервью, что как писателю ему более интересны “униженные и оскорбленные, чем самодовольные и ожиревшие”. “Кроме того, я считаю, — продолжает он, — что мои тексты при этом социально озабочены, но не только, и не в том агрессивном *сиромахомильском*⁴ варианте.

⁴ Букв. “приятнь, любовь к беднякам, бедноте”. Отсылает к близкому к российскому умонастроению народничеству среди болгарских социалистов к концу XIX в.; слово устоялось в языке в метафорическом значении: приближающаяся к умилению приятнь к беднякам, склонность к игнорированию интересов других прослоек общества (прим. перев.).

Что касается патетики, я всегда отдавал предпочтение иронии. А работа (задача) писателя как раз в этом — подводить⁵ читателя и в следующий момент уводить его в иную сторону. Иначе читатель не усидит с ним и пять минут”. Умение Чавдара Ценова — водить читателя излучинами историй, будто в фильме Тарковского создавать неповторимое ощущение полусна, иллюзорных состояний, того, что мы постоянно ищем себя и не в состоянии ни найти себя в минувших днях, ни четко видеть будущее. Герои будто погружаются и всплывают из тумана, прогуливаются, блуждают по улицам города и по закоулкам собственной души, и в этом смысле рассказы Ценова как бы сулят множество концовок, словно у этого парения, соизмеримого с парением в жизни человека, нет начала и нет конца.

Явление двадцатилетней давности по имени “Скорая литература” было в некоторой степени продолжением раскрепощения и свободы экспериментировать, характерной для болгарской литературы 90-х годов прошлого века. Оно сумело сфокусировать (ненадолго) внимание на синхроне между нашим временем и литературой, которая создавалась тогда. В известном смысле оно стало катализатором, оно продлило и усилило известные процессы. Что же касается определения манеры письма того или иного автора как “скорой” и “неторопливой”, то оно вряд ли интересно читателям, ищущим качество в литературе. А качество в этой области творчества зависит не только от скорости.

Перевод с болгарского — Йордан Люцканов

Информация об авторах / Information about the authors

Сильвия Чолева — писатель, издатель (Издательство для поэзии ДА) и журналист на Болгарском национальном радио, в программе “Христо Ботев”. София, Болгария. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Silvia Choleva — a writer, publisher (Izdatelstvo za poezija DA) and a journalist in the Hristo Botev Radio, part of the Bulgarian National Radio network. Sofia, Bulgaria. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Йордан Люцканов — доцент по русской литературе кафедры сравнительной литературы, Институт литературы Болгарской академии наук, София, Болгария. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Yordan Lyutskanov — PhD, Associate Professor, Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: yljuckanov@gmail.com

⁵ В смысле “вводить (как бы) в заблуждение” (прим. перев.).

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. БОЛГАРИЯ

FOREIGN LITERATURE. BULGARIA

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 38—42.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 38—42.

Эссе

УДК 821.163.2

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.4

ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ, ПО ТУ СТОРОНУ СМЕРТИ

Сильвия Чолева

Издательство для поэзии ДА, Болгарское национальное радио,
София, Болгария, choleva_seson@yahoo.com

Для цитирования: Чолева С. Через жизнь, по ту сторону смерти // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 38—42.

Essay

THROUGH LIFE, BEYOND DEATH

Silvia Choleva

Izdatelstvo za poezija DA, Hristo Botev Radio,
Sofia, Bulgaria, choleva_seson@yahoo.com

For citation: Choleva, S. (2022) Cherez zhizn', po tu storonu smerti [Through life, beyond death], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 38—42.

Места совместности, точки сближения двух болгарских поэтов были “освещены” прожекторами двух противоположных сил. Иван Цанев, один из крупнейших современных поэтов Болгарии, отметит в ноябре 80 лет своей жизни, а Марин Бодаков, которому едва исполнилось 50 лет в апреле 2021 года, покинул этот мир, чтоб переселиться в мир литературы, но по другую сторону. Несмотря на уважение к авторитету Ивана Цанева, они близко общались не только в реальности, но и в поэзии. Вторая возможность уже является единственно вероятной.

Марин Бодаков, поэт

Традиционно в Болгарии смерть становится поводом для пробуждения поэтами и писателями в общем-то довольно глубоко задремавшего интереса болгарского читателя к местной литературе. Так получилось в этот раз после смерти поэта

Марина Бодакова, хотя он обладал при жизни большой популярностью, но как бы ее было больше при всех прочих его перевоплощениях — литературного журналиста, редактора, критика и издателя, академического преподавателя, граждански активного человека... В отношении своей поэзии он вел себя особенно скромно, без амбиций, критически к себе. Так он понимал фигуру поэта в сегодняшнем шумном и устремленном к коммерческому успеху мире — жить в тишине.

А в самом деле поэзия была сердцевинной того, что он сделал до своего ухода с этой земли. Марин Бодаков “контрабандировал” (по его собственному слову) поэзию в свою работу, в свои отношения с людьми, во все, чего он касался за пределами своих конкретных обязанностей: например, в акциях Столичной библиотеки по популяризации чтения, при встречах с детьми с ограниченными возможностями в галерее-ателье “Прегърни ме” (Обними меня), в преподавании студентам Факультета журналистики и массовой коммуникации Софийского университета, в журналистской работе в газете “Култура”, в передаче, которую в известный период он вел в культурной программе “Христо Ботев” Болгарского национального радио, в работе в издательстве “Точица” (Точечка), которое создала его супруга Зорница Христова, в редактировании и презентации столь многих книг... Особенно в последнее время он ускорил все эти работы до невозможности, будто предощущал, что приходит конец.

Немалыми усилиями он пытался приобщить к поэзии максимальное число читателей. Между тем он написал восемь книг поэзии, издал книгу интервью с переводчиками, две монографии, отредактировал огромное число рукописей, написал такое же число рецензий, которые отличаются от обычных особым сочетанием конкретности и метафоричности, деликатным выражением позиции и безошибочным узнаванием таланта.

Его широкая культура, его интересы, которые выходили за пределы литературы — охватывали музыку, изобразительное искусство, кино, театр и проч., тоже сказывались на том, что он делал. Заботливый к своей семье, он был так же заботлив ко всякому автору, искавшего у него помощи и совета. Не щадил себя, раздавал себя невероятно. Несмотря на это его талант поэта доминировал над всем, и он создал высокую поэзию собственной поэтики.

*Едва мы срастемся с париками примирения,
едва мы ухватимся за гиперболу, согласно которой
друзья это просто коллеги по участи
и экскурсия под сценой давно стала местом работы,
едва мы забудем, что в швейной этого помпезного театра
наперсток неба утрачен навсегда, едва... —
и праздник страшно обрушился над нами,
перенаселенный, внезапно нас низринул.
Нет, не говори о словах, думая о другом.*

Его минималистическая манера письма, тонкая, мягкая и в то же время суровая, твердая, с внутренней силой, сочетает реальность и магичность, конкретность и метафоричность. Она вбирает в себя строгую и мрачную меланхолию, но и пульсирующее тепло. Бодаков — поэт оттенков, неосязаемого, но и неожиданно категорических смысловых развязок. Он сумел превратить в поэзию даже тривиальный быт, в котором мы живем, чтоб исторгнуть красоту из незначительного, из самого тривиального. Изначальную грусть своих стихотворений он обратил в легкость, в светлое и безмолвное обнимание, в ласку.

Ранимость поэта, его болезненная обнаженность и уязвимость, томление по любви и спокойствию, одиночество и человеческие страхи сопутствуют с неумолимым бытом и существованием в мире, который отвергает, грубом и бесцеремонном,

который не терпит оттенков. В его стихотворениях часто присутствует битва, сражение (один из сборников озаглавлен “Битката за теб” — Битва за тебя), но и поражение. Он не раз заявлял и в поэзии (другая его книга называется “Обявяване на провала” — Оповещение о провале), и в разговорах, в интервью, что он — среди побежденных и что спокойно принимает это. Такая позиция, однако, дает лучшую калибровку взгляда на мир, на его раны и боли, на людей, оказавшихся либо выбравших быть на стороне побежденных.

*А я хотел петь в несчастном хоре родины:
тенор, который притворяется басом,
в меру воин, чтоб взять на себя при необходимости
даже женские, даже детские партии;
в меру воин, чтоб остаться в тылу вышивки,
надзирать кладовые ниток,
а что вышло... Лай в иглу, лишь лай.*

Умелое сочетание несочетаемостей в поэтике Бодакова порождает специфику этой поэзии, ее узнаваемость; нельзя спутать, что это написано Марином, особенно при этой, именно для него характерной четкой ритмичности белого стиха. Здесь и запоминающиеся образы, и запоминающиеся целые стихотворения, хотя на первый взгляд — несмотря на свою краткость — они не легкие для “разгадывания”. Но поэзия как раз тогда, когда бросает нам вызов своими тайнами, становится и близкой читателю, прибавляет к словам то, что между ними. Такую поэзию создавал Марин Бодаков, и неожиданная и безвременная смерть не только не поставила точку, но наоборот — словно ускорила желание читать и перепрочитывать его стихи. При каждом новом прочтении они раскрывают пласты смысла, вкладывавшихся в них поэтом.

Марин Бодаков отказал издать свое *собрание* по поводу исполнившегося этой весной 50-летия, отказался также содействовать устройению литературного чтения. Без шума ушел, оставляя здесь свою поэзию. Нам, для нас:

*Пустые вешалки
качнулись —
колокольчики на прощание.*

Археологические раскопки Ивана Цанева в его собственной поэзии

Как в каждой литературе, и в болгарской есть авторы, которых мы признаем принадлежащими к какой-то одной “породе”; и в плане поэтики, и в плане персональном эта общность раскрывается в главном — в отношении к литературе. У Марина Бодакова и Ивана Цанева разные поэтики, но можно сказать, что их поэзия, равно как и личностное поведение, связаны между собой. И одно из этих мест пересечения — это упомянутое уже желание не быть на шумном базаре литературы, стоять в стороне, как пишет в одном своем культовом стихотворении Иван Цанев: “Поменьше говори, / поменьше говори / и, если можешь, — правду лишь”. Так именно он подошел к своей недавно вышедшей книге избранных стихов “Археологически раскопки” (Археологические раскопки).

Внимательно и с аккуратностью самокритичный Иван Цанев, который неустанно перередактирует свои произведения в желании сделать их совершенными, “перевыбрал”, что именно будет содержать его *юбилейная* книга: в конце ноября у него круглая дата — 80-летие. Во время господства соцреализма называемый “тихим” поэтом, на протяжении многих лет он не только сумел устоять разным

литературным “бурям”, но и сохранить свой бескомпромиссный взгляд на мир и литературу. Он сумел с упорством, дистанцируясь от толп, сохранить свой талант и утвердить свое имя человека принципов и одного из лучших болгарских поэтов.

Как сумел Иван Цанев собрать в небольшую по объему антологию лучшее из того, что началось в 1968 г. сборником стихов “Седмица” (Неделя) и насчитывает уже около 20 книг? Снова тщательно и аккуратно, как пчела, которая собирает мед с каждого цветочка.

Как раз пчела и дерево превратились в отличительный знак поэзии Ивана Цанева, из-за, быть может, самых известных его стихотворений “Эпитафия на пчелата” (Эпитафия пчеле/пчелы), “Дърво на хълма” (Дерево на холме) и “Здравей и сбогом” (Здравствуй и прощай). Они присутствуют и в этой скупой, даже скряжнической, авторской подборке. Поэт обособил несколько частей в этом общем хоре так, чтобы книга звучала цельной и единой: “Късчета от счупена поема” (Куски сломанной поэмы), “Преизбрани стихотворения” (Переизбранные стихотворения), “Подбор на недоизреченото” (Подбор недовыговоренного) и цикл “Посветени сонети” (Сонеты с посвящениями) — часть большей, вероятно, следующей книги с посвящениями, — как и отрывки из критических текстов про его поэзию в конце.

Очевидно, со временем Иван Цанев становится все строже к своим произведениям, зато книге удалось выйти и разнообразной, и вбирающей самое главное, написанное поэтом до сих пор. Наряду со знаковыми стихотворениями, здесь присутствуют и его краткие прозаично-поэтические — по его собственным словам — “недоизреченные” “междустиишия”. В них он высвободил свою философскую иронию, и они во взаимодействии со стихотворениями из других частей книги добиваются возможно наибольшего объема внушения.

Начиная самыми ранними и кончая последними на данный момент Иван-Цаневскими стихотворениями цикла “Сонетов с посвящениями”, он прочерчивает в “Археологических раскопках” целеустремленный и завидно монолитный характер своей поэзии. Как раз в стихотворении, давшем свой заголовок книге, поэт пишет:

*Видимо лишь сегодняшнее вечно. (Между прочим,
виноват ли живой, что дыхание его опьяняет?)
Мимо величественных руин стадиона
процессия младенческих колясок шествует опять,
день голубоглазый, и сколько воркующих солдатиков
пришло, может быть, увидели и, наверное, победили.*

Вот здесь снова дороги двух поэтов Ивана Цанева и Марина Бодакова пересекаются — в этом преклонении перед жизнью, побеждающей смерть, несмотря на свою тленность. Между прочим, 10 лет назад Бодаков писал в газете “Култура” по поводу 70-летия Ивана Цанева: “Исключительное обаяние Иван-Цаневой поэзии в том, что — мегаломанские у других авторов — в его творчестве такие слова как «дърво» (дерево), «огнище» (очаг) и «душа» — это слова небольшие и полные смысла. Потому что он следует правилу: «Нам надо придерживаться конкретных вещей. Они предохраняют нас от общих мест, от больших и пустых слов»”.

Перевод с болгарского — *Йордан Люцканов*

Информация об авторах / Information about the authors

Сильвия Чолева — писатель, издатель (Издательство для поэзии ДА) и журналист на Болгарском национальном радио, в программе “Христо Ботев”. София, Болгария. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Silvia Choleva — a writer, publisher (Izdatelstvo za poezija DA) and a journalist in the Hristo Botev Radio, part of the Bulgarian National Radio network. Sofia, Bulgaria. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Йордан Люцканов — доцент по русской литературе кафедры сравнительной литературы, Институт литературы Болгарской академии наук, София, Болгария. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Yordan Lyutskanov — PhD, Associate Professor, Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 43—47.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P.43—47.

Эссе

УДК 821.163.2

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.5

ГЕОРГИЙ РУПЧЕВ — СИЛЬНЫЙ НОЧИ, ИЛИ МИРА ТОГО¹

Сильвия Чолева

Издательство для поэзии ДА, Болгарское национальное радио,
София, Болгария, choleva_seson@yahoo.com

Для цитирования: Чолева С. Георгий Рупчев — сильный ночи, или мира того // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 43—47.

Essay

GEORGY RUPCHEV — THE STRONG OF THE NIGHT, OR THE WORLD OF THAT

Silvia Choleva

Izdatelstvo za poezija DA, Hristo Botev Radio,
Sofia, Bulgaria, choleva_seson@yahoo.com

For citation: Choleva, S. (2022) Georgy Rupchev — the strong of the night, or the world of that [Georgy Rupchev — the strong of the night, or the world of that], *Labyrinth: Teorii I praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 43—47.

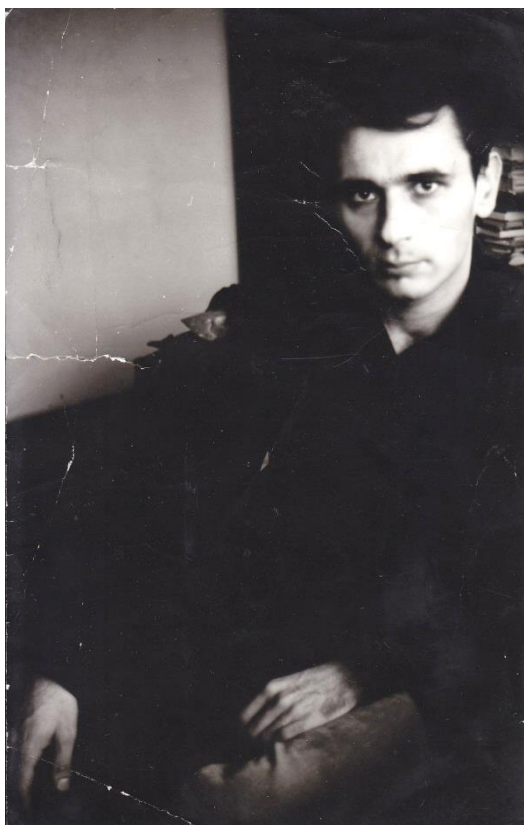
Двадцать лет после того, как Георгий Рупчев отчалил от пустой земли, меня не покидает картина из его стихотворения “Смяна на нощната стража” (Смена ночного дозора). Не картина Рембрандта, а тот “портрет мужчины в глухой нише”, который оживает и стоит у ночного окна, подняв занавеску, и “не моргнув ждет, / увиденный лишь мраком”. Уже с первого прочтения этого стихотворения оно стало для меня образом Жоры. Этого одинокого человека, человека в комнате, которая “продолжается до края зеркала”, как он писал в “Превъртане на светове” (“Сдвиг миров”, в переводе Марии Ширяевой):

© Чолева С., 2022

© Люцканов Й., перевод на русский язык, 2022

¹ Игра слов, построенная на двух антитезах: дня/ночи (мира сего/того) и множественного/единственного числа; болгарский эквивалент русского “сильные мира сего” — досл. “сильные дня” (прим. перев.).

... И в этот вечер он скорей всего опять долго курил,
 сидя в любимом кресле, слушал радио
 и наблюдал, как с Витоши туман все плыл,
 а смаковать вино глотками было всего слаще.
 Вот комната, кровать застелена. А за стеною
 молчит и город, и молчит безбрежность.
 Молчание, которое забыл забрать с собою
 жилец, внезапно съехавший².

Фотография из личного архива
 семьи Рупчевых

“Я писал преимущественно по ночам”, — сознается он. Многие из нас, его друзей, проводили часть своих ночей в телефонных разговорах с ним, и таким образом он как-то преодолевал бессонницу, тянущиеся часы. Часы краткой жизни, обреченной болезнью, но оплодотворенной поэзией и музыкой. Георгий Рупчев, может, стал бы музыкантом, потому что музыка была его первой любовью. Его поэзия насквозь проникнута музыкой. Если его стихотворения и его поэмы, как например “Смъртта на Тибалт” (Смерть Тибальта), читать вслух, четко понимаешь, что его поэзия — музыкальное произведение...

Во времена, когда белый стих был альтернативой удушающим канонам соцреализма, Рупчев написал свои виртуозные стихи рифмами, сочетающимися с белым стихом, и они звучали как ничьи другие. Особенно характерны его внутренние рифмы, аллитерации, метафоры, которые содействовали музыкальности его стиха. Возможно, если бы были большей литературой, литераторы писали бы о Рупчевой рифме, Рупчевой музыкальности стиха, Рупчевой

поэтике... Их изучали бы в университете. Он изменил язык, изменил понятие о поэзии, изъясил ее из наших домашних рамок и поставил ее среди образцов европейской поэзии. В нескольких строках он создавал не только картину, он создавал кино в эстетике Антониони или Тарковского — в таких стихотворениях, как “Привличане” (Притяжение/Влечение), “Отдалечаване на въздуха” ((Само)удаление воздуха), “Церемония” (Церемония) и другие. В своих последних поэмах “Гмуркачите” (Ныряльщики), “Приковаване на огъня” (Приковывание огня) и “Пътят нататък” (Дорога дальше) он добрался до сущности, до сердцевины, он перешагнул границы и заглянул в бездну... У его поэзии особый тайный код, который нелегко расшифровать. В эту тайну вступают осторожно, медленно, а часто и не надо ее разгадывать — она оказывается одной из его магий. “Наверняка в поэзии есть что-то тайное, потаенное, греховное, одинокое (...) В самом деле, писать — в известном смысле противоестественно. Поэт всегда был лишним и исключением.

² Перевод стихотворения — Марии Ширяевой (прим. перев.).

Но оказывается, что без него не могут. Поэзия — это инстинкт неприспособимости, а ныне времена приспособленческие”, — говорит Рупчев в интервью в 1994 г.

Стихотворения Георгия Рупчева создают иллюзию, что они написаны без усилия, но он вырабатывал их медленно, внимательно и не останавливался, пока не получал желаемого результата. В одном интервью он говорит: “Я никогда не писал много. И в лучшие времена — 10—12 стихотворений в год. <...> Хорошо, чтоб текст был готов у меня в голове. Чтоб он был структурирован. Во-первых, я должен знать, как он заканчивается, и хорошо, чтоб я знал, как он начинается”. Важно сказать, что он обладал высокой эрудицией, ненавязчиво присутствующей в его стихах и, особенно, в его поэмах. Вообще он был духовным аристократом, эстетом, деликатным, но категоричным, даже суровым иногда. Он был человеком, как будто пришедшим к нам из другой эпохи, несмотря на то, что он всегда волновался, что происходит за стенами его комнаты, при ясном сознании о ценности поэзии, о том, что она переживает времена: “Нормально, чтобы человек иногда ощущал себя и подавленным, и ненужным. Но поэзия это искусство, намного превосходящее историческое время, в котором живем”.

В слове по поводу 40 дней со смерти Рупчева под заглавием “Князь метафоричных состояний” Иван Теофилов отметил еще одну особенность его поэтики — театральность: “И театральные акценты все больше умножаются. Декорации все больше рекомпозируются. И «игра», и персонажи на фоне этого *изменения* начинают звучать в ином, непредусмотренном контексте и обретают иную, неожиданную акустику. И этот конструктивный акт еще раз призван подсказать, что смысл претворения — в динамической жизни форм, так соответствующей динамическим процессам внутри нас”.

Несмотря на болезнь, у Георгия Рупчева была внутренняя сила писать, переводить, не сдаваться до самого конца. Он ни разу не пожаловался, что он узник в одной комнате. Я помню, насколько мучительным для него было создавать свои последние поэмы, к написанию которых Иван Теофилов его поощрял и которые мы потом опубликовали в журнале “Сезони” — они были из сильнейших в его творчестве. Его невероятное чувство юмора, сарказма, иронии и самоиронии было также очень важной составляющей той силы его духа. Он умел смешить своим английским чувством юмора, умел и „убивать“ им.

Переводы с русского и английского Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Иосифа Бродского и Николая Гумилева, Т. С. Элиота, Аллена Гинзберга, Лоуренса Ферлингетти, Джона Леннона, Роберта Пенна Уоррена, Уильяма Теккерея, Агаты Кристи, Артура Конан Дойля, “Песни песней”, рецензии о театре и шесть книг, много музыки, поэзии и товарищей, которые с годами “редеют” — вот что делал он. Мы были друзьями — учились в одной и той же школе, жили в одной и той же части города, поэзия сблизила еще больше. Я помню радость от выхода его первого сборника стихов “Уморени от чудото” (Утомленные чудом) в 1982 г., появление такой книги в то время было в самом деле чудом. “Наше поколение, — говорит он, — это поколение страстного самораспыления. Поколение, которое умеет изливать себя. Оно просто заранее разочаровано. Перед тем как ощутить свою очарованность чем-нибудь, оно уже изжило свою разочарованность им. Таким образом, самоуничтожая себя, мы стали «Сильными ночи» и изжили свои сильные ночи”. Мы сходились и слушали музыку, разговаривали о литературе, об искусстве, обо всем, попивая водку и куря. Это был наш остров, мы к Поэту ходили, чтоб разговаривать и чтоб зарядиться от него, кого болезнь медленно, но верно разрушала. С годами это превратилось в нечто подобное поклонению, так как мы давали себе

отчет в его огромном таланте, чувствовали уважение к его личности. Вот что он пишет в своей поэме “Силните на нощта” (Сильные ночи)³:

Куда стекает, пропадает наша память днем,
 укрытая той
 амнезией светлой
 бытийности?
 Ночь веселит нас, помогает вспомнить
 ночью
 всё другое.
 Другие силы и другая память.

Впрочем:

Невидимы,
 неведомы,
 расшатаны, огромные —
 глотают жадно из бутылки мрака.
 Что нужно будет,
 то они запомнят.
 Что нужно будет,
 подождут во благо.

—
 Ползем,
 зажатые в кулак октябрьской суши,
 в железной хватке его пальцев
 даже ночь пустила трещину,
 и безнаказанно
 скитаются в обломках
 автомобили, привиденья и собаки.

Назначенное ему время утекло, и он направился по лестнице к небу. Пришли другие поэты, новые, более или менее шумные и самохвальные — реклама обернулась новым божеством, но стихи Георгия Рупчева не потеряли ни крупинку позолоты, а наоборот — они читаемы молодым поколением и нравятся все больше.

Странно и стыдно, что до настоящего момента, подобно другим большим болгарским поэтам, у него нет изданной за границей книги. Переводились отдельные стихотворения, но книги нет, и поэтому его нельзя читать хотя бы на одном из „больших“ языков.

Георгий-рупчевская поэзия со временем как будто еще больше околдовывает и привлекает. Я слышу его слова: “Я знал все заранее, / ожидал его из-под обгрызанных ногтей вселенной”. Я вижу его иронически усмехающимся за очками, оперевшимся на подушки в своей постели. Сигарета падает меж пожелтевших пальцев. Машинка притихла на письменном столе. Молчит и пианино напротив. Дверь к балкону открыта.

Перевод с болгарского — Йордан Люцканов

³ Перевод стихотворения — Марии Ширяевой (прим. перев.).

Информация об авторах / Information about the authors

Сильвия Чолева — писатель, издатель (Издательство для поэзии ДА) и журналист на Болгарском национальном радио, в программе «Христо Ботев». София, Болгария. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Silvia Choleva — a writer, publisher (Izdatelstvo za poezija DA) and a journalist in the Hristo Botev Radio, part of the Bulgarian National Radio network. Sofia, Bulgaria. E-mail: choleva_seson@yahoo.com

Йордан Люцканов — доцент по русской литературе кафедры сравнительной литературы, Институт литературы Болгарской академии наук, София, Болгария. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Yordan Lyutskanov — PhD, Associate Professor, Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: yljuckanov@gmail.com

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. БОЛГАРИЯ

FOREIGN LITERATURE. BULGARIA

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 48—54.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 48—54.

Эссе

УДК 821.163.2

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.6

ПРОЗРЕНИЯ И ОЗАРЕНИЯ В НЕПРОГЛЯДНОМ

Камелия Спасова

Софийский Университет «Св. Климент Охридский»,
София, Болгария, k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Для цитирования: Спасова К. Прозрения и озарения в непроглядном // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 48—54.*

Essay

EPIPHANIES AND INSIGHTS IN THE IMPENETRABLE

Kamelia Spassova

University of Sofia, Sofia, Bulgaria, k_spasova@slav.uni-sofia.bg

For citation: Spassova, K. (2022) Prozreniya i ozareniya v neproglyadnom [Epiphanies and insights in the Impenetrable], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 48—54.

Немыслимое

“Исход/Выход видов” (Изходът на видовете) Никола Маринова¹ можно определить как поэтико-философскую прозу. Книга состоит из тридцати девяти коротких рассказов, стилистически лаконичных, эстетически причудливых, сюжетно парадоксальных. Общее в историях — независимо от того, через что эти истории проходят (запутанные лабиринты, утерянные рукописи, бури, пещеры и пыльные чердаки) — это то, что выход всегда есть. Этот выход — прозрение (эпифания) или короткое замыкание (апофения), которые освещают непроницаемое. Эпифании и апофении неожиданно переворачивают ставки с ног на голову.

© Спасова К., 2022

© Люцканов Й., перевод на русский язык, 2022

¹ Никола Маринов. *Исход на видовете*. Пловдив: Жанет 45, 2021, 104 с.

Фото Камелии Спасовой

Никола Маринов родился в 1988 году, окончил философское отделение Философского факультета Софийского университета Св. Климента Охридского. “Исход/Выход видов” (2021) — его вторая книга после сборника стихов “Тигр захотел, человек обещал” (Тигърът поиска, човекът обеща; 2019), но обе, прозаическая и поэтическая книги, следуют общей линии. Общее — встречи и разговоры с одиночными существами: неповторимыми, странными видами; на грани между человеческим и животным/звериным; иногда гибридные, иногда вовлеченные в подновляющуюся метаморфозе, эти организмы — единственные в своем роде — вопрошают себя о своих онтологических основаниях и своем месте в мире.

Фото Камелии Спасовой

В “Исходе/Выходе видов” пастухи и исчадия, люди и тигры, но также летучие мыши, свиньи, голуби, бабочки и множество привидений находят общий язык. Это язык усомнения, сопровождаемый жестами принятия. Принятия не просто различного и неслышанного, но и того, что вещи могут складываться по-иному, существовать и иным образом. Проза Маринова подсказывает, что перемена является вопросом зрительного угла, поворота в мышлении, а иногда просто одного поразительного предложения. Отдельные рассказы нарушают собственные границы, перекрывают друг друга, перетекают друг в друга, вступают друг с другом в разговор и друг друга высвечивают. Их логику можно связать с логикой дзен коанов, христианских притч, парабол и иносказаний,

вообще с тем типом кратких историй, которые ищут познания на грани рационального, поскольку хотят рассказать о непознаваемом. Поэтому я прочитываю эту книгу как философию немислимого.

На грани: знаки (само)вопросания², чуд(ов)ища и чудаки

В книге есть один такой персонаж, который проходит сквозь нее всю и встречается в большинстве историй, его легко перевести на любые языки: это ? — вопросительный знак. Его нам презентуют уже на задней обложке: “Из лабиринта кратких историй, размышлений, откровений в этой книге нас водит особый, препинательный герой: ?. Да, именно препинательный, так как он обозначен не именем, а вопросительным знаком, но и потому, что оказывается «препоной» нашему чтению, озадачивает внутренний голос, сгибает его в немое, вперяющееся вопрошание. Про себя я назвала его Пан Дубито, т. е. Господин Сомнение (в силу некоей аналогии с Паном Когито Збигнева Херберта). Называйте его, как Вам заблагорассудится, но предоставьте себя этому блуждающему вопросу, вечно распятому между веревкой и голубем, небом и собором, чтоб Вас водил”³.

Фото Николы Маринова

Читатель остается ошарашенным, натываясь на предложения вроде “? спросил”; “? Приздумался”; “? ошеломлен”. Читатель спрашивает себя, кто именно в истории приздумался; кто озадачен; кто он/она/оно такой/такая/такое; человек или животное... Этот персонаж обозначает и основную тягу рассказов — ставить все под вопросом, в том числе колебать границу между ‘внутри’ и ‘вне’; динамикой и параличом; концом и началом; смертью и бессмертием; снопоподобной реальностью и пробуждением. Может, герой ? — это картезианский субъект, который существует, стоя на своем и продолжая сомневаться? Или это та более объемлющая удивленность бытием, которая вдруг схватывает непонятное единство, расшифровывает руны тайных языков — приходит к озарению по ту сторону любого порядка и категоризации? Одно не вызывает сомнений: в “Исходе/Выходе видов” ведущий персонаж — знак, а не собственное имя. У нас есть возможность дать ему имя — на-

зывать Чудёнком (Чудёнкой?..), Вопросанком (Вопрошанкой?..), Пан Дубито, — наращивать ему идентичность, пол и лицо, но это дописывание производится читательским воображением, поскольку рассказчик оставляет его энигмой. ? может гибнуть в одной истории и появляться в другой, поскольку он философская фигура, а не обычный герой. Он обладает двумя силами: с одной стороны, раздваивать сомнением все, до чего достигает его взгляд, а с другой — эпифанным прыжком единять. Или, говоря словами автора Николы Маринова: “У одной части ? не было объяснения этого феномена, а у другой не было необходимости в таковом”. (“Омнихил”, стр. 50). Герой — дублер рассказчика, но не сливается, а четко отмежевывается от его голоса, поскольку, когда ? уже нет, остается “бестелесный голос неприсутствующего рассказчика, описавшего все к данному моменту”. Одна сила ? — это философское сомнение, а другая — поэтическое вдохновение.

² Этим словосочетанием перевожу слово того же корня, что и последующие два (“чуденка”) (прим. перев.).

³ Этот портрет персонажа — дело болгарского критика и исследовательницы Биляны Курташевой.

Благодарение персонажу ? подчеркивается известная смутность, характерная для всех историй — будь они сказочно-фантастическими или миражно-сноподобными. Возьмем, например, рассказ “Исчадие” (Изчадието), в котором некая аморфная смесь волка и человека, названная именем *вурдалакоподобное*, ворует овец одного пастуха, вконец решившегося добраться до лежбища чудовища и понять его тайну. Развязка приходит вместе с крутым поворотом и парадоксом — “так что, по крайней мере для меня, ты не человек, одержимый зверем, а зверь, одержимый человеком” (стр. 23). Но и после конца рассказа вопрос о том, являются ли пастух и исчадие двумя лицами из одной сказочной реальности, или речь идет о внутреннем расщеплении в рамках сна, фантазии, — остается открытым. Во втором случае пастух и исчадие — внутренние голоса раздвоенного сознания. Эта нерешенность вокруг онтологического статуса необычайных форм жизни проходит через всю книгу. Двумя лицами или двумя внутренними голосами являются: скульптор и бессмертный; старик и привидение; герой и мертвец; человек и тигр; библиотекарь и искатель книг. Книга поддерживает постоянную тягу сомнения, поскольку в рассказах часто происходит крутой поворот как раз на грани между субъектом и объектом, привидностью и неразличимостью, между взглядом и зеркальным отражением: “Всмотрелся в цепь отражений и не смог разгадать, какое из отражений принадлежало ему и какое — привидению” (“Старик и привидение” (Старецът и привидението), стр. 34). Подобная фантазматика теней, масок, зеркал, отражений, раздвоений вносит крайнюю неустойчивость в онтологический порядок, но тем самым именно она делает возможным внезапный прорыв чуда — невозможное оказывается вполне возможным. Оно приходит с легкостью озарения и обретения зрения, с “внезапно обретенным воспоминанием”, с припоминанием будущего, с одним каким-нибудь парадоксальным выражением.

Фото Николы Маринова

“Исход/Выход видов” проводит логику причудливого, проходя как раз через эти промежуточные зоны на грани между сказочным-и-фантастическим и странным-и-фантастическим в терминологии Цветана Тодорова. Это зоны неопределенности, и как раз в них пребывают странные виды, чудовища и чудаки, которым пунктуальные определения не по мере. Их притягивает непредсказуемость.

Лабиринты, парадоксы и повороты

Никола Маринов. Фото Камелии Спасовой

Проза Николы Маринова гелиотропична, чувствительна к свету. Места в книге порой включают гомогенные топосы неразличимости, пространства, объятые мраком, объятые всеобъемлющей мглой, пустошь, бесконечные льды, непроходимую пустыню, лабиринты. Это все места непроглядного и неразличимого, в которых материя еще не провела свои очертания, некие пространства беспредельного, без начала и без конца. В них можно проваливаться как Алиса через кроличью нору или через зеркало в иной мир — это часто происходит тогда, когда герой в пустыне; он внезапно оказывается в кабинете перед нарисованной пустыней. И как раз перед вертиго этих бездн персонажи останавливаются в удивлении перед одним жестом, непонятным и неразгадываемым, чтоб прийти через озадаченность к озарению, найти выход и угадать, что жест указывает на свет, на сияние. Таким образом мы в состоянии понять и рамку книги: первый рассказ это “Непонятное единство” (Непонятното единство), в нем ? всплывает из пространства, окутанного во мраке, чтоб добраться до библиотеки и набрести на книгу, которую ищет, но в ней слова уже исчезли; а последний рассказ это “Круговорот света” (Кръговратът на светлина). Таким образом, мы можем прочесть непонятное единство как круговорот света, где формы имеют способность смешиваться и преображаться, но их конечность и смертность — только часть этого процесса фигурации и трансфигурации, очерчивания, распада и слияния с немислимым. В одноименном со всей

книгой рассказе “Исход/Выход видов” возвращенный птицами похож на птицу, но такую не является, так как не может лететь. Сова шлет его за советом к Ленивцу, который способствует развитию видов — так, например, он поспособствовал мышам полететь и с течением времени возникли летучие мыши (отсюда ключевая роль этого вида — ленивца — на протяжении всей книги). Ленивец проводит идею, что наш герой должен продолжить пытаться лететь и, если он сохранит идею и передаст ее “живой следующим поколениям, после неопределенного числа поколений идея обернется реальностью” (стр. 83). Путем одного воспоминания из будущего наш герой приходит к мысли, что именно так и предстояло случиться — это дело с припоминанием будущего важно как способ наращиванию временных парадоксов в книге, наряду с пространственными и логическими. Мне чудятся голоса Платона и Новалиса, Кафки и Борхеса, Лао Цзы и Гераклита, но, быть может, это только эффект моей собственной воли к олицетворению примерещившегося за энигмами, перед которыми ставит нас книга.

Камелия Спасова. Фото Франчески Земярской

Причудливый мир рассказов Николы Маринова провожает нас через иллюзорность собственных границ: невозможное — лишь установка, оно с легкостью тает в обманчиво невозможном. Странные герои в “Исход/Выход видов”: люди и дива, собиратели ветошей и тигры, бабочки и исчадия, библиотекари и голуби общаются на грани парадоксального, чтобы всегда дойти до (своеобразного) переоткрытия мира. Персонаж бросает свое изумление как тень на все — вот так он вспоминает будущее и доходит до правды.

Перевод с болгарского — Йордан Люцканов

Информация об авторах / Information about the authors

Камелия Спасова — PhD, доцент античной и западноевропейской литературы в Софийском Университете “Св. Климент Охридский”. София, Болгария. E-mail: k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Kamelia Spasova — PhD, Associate Professor of Comparative Literature in the Literary Theory Department at the University of Sofia. Sofia, Bulgaria. E-mail: k_spasova@slav.uni-sofia.bg

Йордан Люцканов — доцент по русской литературе кафедры сравнительной литературы, Институт литературы Болгарской академии наук, София, Болгария. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Yordan Lyutskanov — PhD, Associate Professor, Institute of Literature of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria. E-mail: yljuckanov@gmail.com

Семинар Research&Write
Research&Writer Workshop

Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 55—76.

Labyrinth: Theories and practices of culture. 2022. No. 1. P. 55—76.

Круглый стол

УДК 655.1/.3

DOI: 10.54347/Lab.2022.1.7

**БЛИЖЕ К ТЕКСТУ: БЕСПОКОЙСТВО О КОЛЛЕКТИВНОСТИ.
РАСШИФРОВКА ВСТРЕЧИ**

Для цитирования: Ближе к тексту: беспокойство о коллективности. Расшифровка встречи // *Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 55—76.*

Round table

**CLOSER TO THE TEXT: CONCERN ABOUT COLLECTIVITY.
TRANSCRIPT OF THE MEETING**

For citation: Blizhe k tekstu: Bepokojstvo o kollektivnosti: Rasshifrovka vstrechi (2022) [Closer to the text: concern about collectivity: Transcript of the meeting], *Labyrinth: Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 1, pp. 55—76.

[#library skills](#) [#социология](#)

17 февраля прошла встреча семинара Research&Write, посвященная видимости труда редакторов, корректоров, рецензентов и концепции авторства.

Мы не всегда знаем, кто ответственен за корректуру и редактуру текстов. Представление об авторе как создателе идеи приводит нас к вопросу об отношениях неравенства и власти: идеи на протяжении истории воровали и присваивали. Участники встречи обсудили, как на производство текстов влияет академическая иерархия, каких изменений требует институциональная структура, в которую вписаны исследователи, и почему политические стратегии авторства остаются невидимыми.

Рекомендованные к встрече тексты*Основная литература:*

- Peters, M. A., Besley, T., & Arndt, S. (2019). Experimenting with academic subjectivity: collective writing, peer production and collective intelligence. *Open Review of Educational Research*, 6(1), 26—40.
- Peters, Michael A. (2019) Knowledge socialism: the rise of peer production-collegiality, collaboration, and collective intelligence
- Jandrić, Petar, Nesta Devine, Liz Jackson, Michael A. Peters, George Lăzăroiu, Ramona Mihăilă, Kirsten Locke et al. "Collective writing: An inquiry into praxis." (2017): 85—108.

Дополнительная литература:

- Martha Woodmansee (1997) On the Author Effect: Recovering Collectivity

Модераторы серии:

- Ирина Антошук — аспирантка университета Амстердама и СПбГУ, исследователь миграции и науки, любитель качественного письма и анализа текстовых практик в социальных науках.

- Полина Колозариди — интернет-исследователь, координатор клуба любителей интернета и общества, работница образования.

Участники встречи:

- Андрей Тесля — историк общественной мысли, старший научный сотрудник БФУ,

- Анна Кулешова — социолог, ответственный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (ВЦИОМ), председатель Совета по этике научных публикаций,

- Мария Вятчина — социальный исследователь, научный сотрудник ЦНСИ, приглашённый исследователь ШАГИ РАНХИГС,

- Анна Прохорова — основатель «Бюро Kiread — перевод, редактирование и вычитка научных текстов», лингвист, переводчик, демограф, консультант Международной организации по миграции.

Из предварительной переписки перед встречей

Когда говорю про фантазмагории, речь касается текстов, которые появляются как коллективные научные публикации, но на самом деле являются результатом купли-продажи авторства. Особенность таких материалов в том, что они не содержат приращения научного знания. А ещё под это «определение» попадают статьи, похожие издавна на научные, опубликованные в научных журналах, но написанные машинами, и с коллективом авторов из живых людей...

Приписное авторство — про «батраков» и «хозяев», когда пишет один, приписываются многие...

Анна Кулешова о фантазмагориях и приписном авторстве*Расшифровка встречи*

Полина: Добрый вечер! Сегодняшний разговор проходит в рамках семинара Research&Write. Этот семинар инициирован библиотекой Шанинки и устроен как серия встреч, посвященных тому, что такое быть автором и исследователем в академическом мире и не только.

Мы уже обсуждали, что такое авторство в исследовательском или научном тексте, называем мы себя авторами или нет. Я вспоминаю первую встречу, где одна из участниц сказала, что для нее слово «автор» вообще несопоставимо с процессом исследования, потому что одно дело быть человеком, который производит исследование, и совсем другое — быть автором текста. Меня тогда зацепила эта мысль. Наш семинар называется «Research and Write». Насколько это одно и то же — быть исследователем, человеком, который работает над производством интеллектуального предприятия, проекта — и быть автором текста?

Еще у нас была встреча, посвященная гендерной теме. Ее отголоском стал зин, небольшой журнал под названием «Зачем разговаривать с мертвыми белыми мужчинами?», которые тоже в некотором смысле оказываются соавторами наших текстов. Разговор пошел нелинейно, мы не говорили о том, что нужно отказываться от канона, а начали с того, что канон множественен и не всегда у нас есть однозначное мнение о том, как он может быть устроен. Мы говорили о том, насколько разные это истории и в образовательных контекстах, и в академии, и в образовании.

Сегодня мы решили поговорить о коллективности в авторской жизни.

Когда-то мы работали вместе с Ади Кунцман над несколькими интеллектуальными сюжетами, и Ади и на своем примере и в разговорах показала мне, почему люди в социально-гуманитарных науках составляют такой большой список соавторов и соавторок, которые так или иначе участвовали в производстве текста — не обязательно на уровне производства исследовательского проекта, а, например, на этапе расшифровки, обработки материала и т. д. С другой стороны, понятно, что когда применяешь это к российским реалиям, возникают другие вопросы и проблемы.

Анна Кулешова знает, как фантазмагорически устроено авторство, когда авторами оказываются не те люди, которые написаны в графе «автор». Когда мы говорим о журналах или публикациях, это превращается в историю дополнительных бюрократических или интеллектуальных трудностей.

Кроме того, нам хотелось позвать людей, которые соучаствуют в производстве текстов в разных ролях. Мы же говорим не только про невидимый труд переводчиков и расшифровщиков, хотя это тоже очень важно. Мы говорим про труд рецензентов, редакторов, неизвестных нам людей, которые формируют издательские серии или журналы. Это, с одной стороны, проблема недостаточной видимости, и об этом много говорят. Статьи, которые мы предложили к чтению — как раз о том, что люди не представлены. Это истории про людей, чей голос не слышен, хотя их деятельность важна для производства текстов.

Но, с другой стороны, есть проблема ответственности. Мы видим сложно или неверно отредактированный, откорректированный текст, но не можем спросить: «А кто это сделал?», потому что за этим стоит коллективная общность и концов у того, кто в ответственности за то, что произошло, не найдешь. Нужно ли переводить это на уровень личных взаимоотношений и спрашивать у переводчика как у автора/соавтора что-то? Или работа, которая оказывается невидимой — институциональная? И нужно обращаться к институции? Это спектр вопросов, о которых мы хотим поговорить.

Ирина: Мне кажется, есть несколько ключевых ролей в коллективном (не)авторстве и разграничения, спектр проблемных вопросов, с ними связанных.

Первое: когда мы говорим об авторстве и со-авторстве (authorship/co-authorship), мы говорим о списке лиц, обозначенных как авторы в публикации. Это то, на чем останавливается большинство исследователей, это то, что мы обычно понимаем под авторством, когда говорим о коллективном создании научного

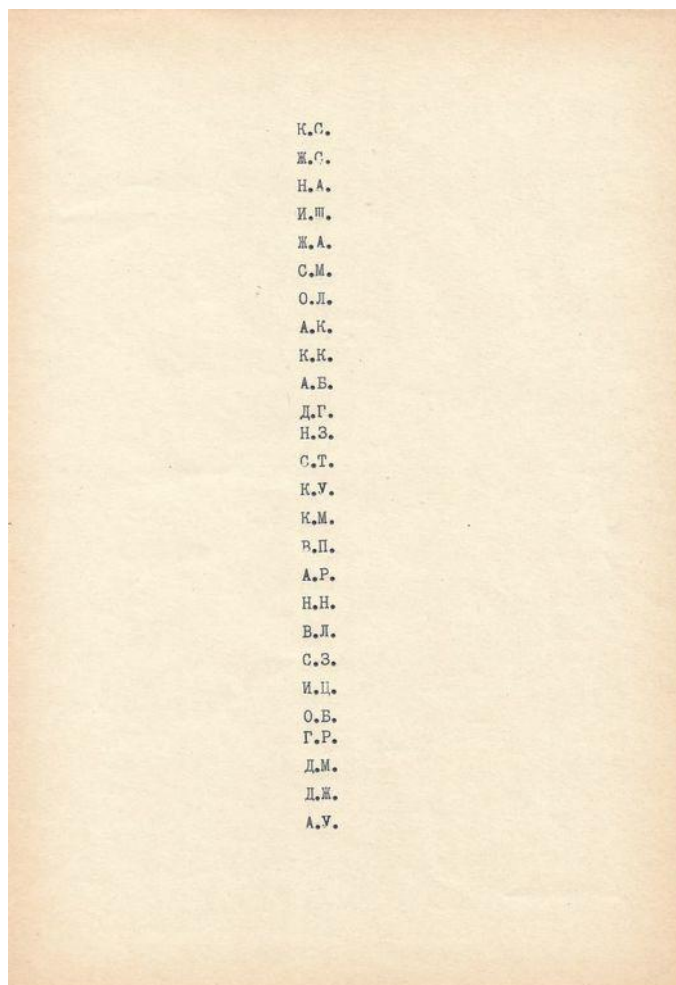
текста. Конечно, выделяются центральные авторы, основные авторы, второстепенные авторы. Существует дискуссия о первых авторах, об остальных авторах, о порядке авторства: кого в каком порядке перечисляют, как распределяются признание и академические очки за публикацию. Есть дискуссия о *massive authorship*, например, в физике, когда перечислены сотни авторов, и все внесли вклад в работу — сейчас есть много регуляций.

Второе, есть интересное, часто проблематизируемое авторство — то, что обычно называется *gift authorship* или *honorary authorship*, *undeserved authorship* — не знаю, какие варианты хороши на русском языке. Это момент, о котором говорила Анна Кулешова — автор не принимал участия в написании текста, но, тем не менее, попадает в список авторов. В этом смысле есть большая дискуссия о том, что, собственно, представляет собой соавторство, что оно нам показывает, когда мы его исследуем? Оно показывает нам какие-то связи, какие-то взаимоотношения между людьми. Это не всегда отношения сотрудничества — но, в то же время, многие отношения сотрудничества из этого авторства выпадают, как и многие другие взаимодействия.

Есть и забавные практики включения в соавторы. Они, наверное, призваны развенчать концепцию научного соавторства. Вы, наверное, слышали, что нобелевский лауреат Андрей Гейм включил в соавторы своего хомячка Тишу, прямо прописал *H.A.M.S. ter Tisha* в научной публикации 2001 года. Он говорил, что Тиша внес весомый вклад в работу по левитации, он действительно участвовал. Здесь появляется вопрос о границах вклада, участия и той коллективности, которая охватывается соавторством или другими формами участия в производстве знания. Получается, что Тиша, например, участвовал в производстве знания, но не в написании работы. Тем не менее, он был включен в соавторы.

Кроме того, есть интересный пласт, который называется *sub-authorship*. Это все те люди и не-люди (фонды, организации и др.), которые попадают в выражение благодарности и признательности, в секцию *acknowledgements*. Или есть слово *contributors* — те люди, которые внесли вклад в работу, за счет которых тоже появился текст, но при этом они почему-то исключены из списка соавторов. Интересно, каким образом происходит это включение и исключение? Каким образом конструируется авторство на современном этапе научного текста? Почему люди, которые помогли с вычислениями, будут указаны в *acknowledgements*, но не попадут в *co-authors*, в соавторы? Случаются еще и неформальные разговоры с людьми, которые тоже попадают в *acknowledgements*, авторы книг перечисляют с радостью, с чувством признательности всех тех людей, с которыми им удалось пообщаться, которые их навели на мысли и расширили кругозор, открыли что-то нетривиальное — но они не оказываются в списке соавторов.

Есть большая категория — *non-authors* — не-авторы. Видимо, она охватывает частично тех, кто внес вклад — *contributors*, а также *sub-authors*, может быть, каких-то еще людей или не-людей. И здесь вопрос: мы как будто бы записываем в одну категорию огромное число разных людей, которые участвуют в предварительной подготовке текста (расшифровщики и переводчики), в процессе подготовки, после подготовки (редакторы, корректоры, пруф-ридеры). Это, очевидно, очень разная работа, и она частично выполняется иногда самими авторами текстов. Какая категория была бы подходящей для обозначения? Может, это не одна категория. Каким бы образом вы предложили подходить к этой работе — как-то ее классифицировать, обозначить ее место в соавторстве и коллективном авторстве?

Групповой портрет, Саша Мороз, 2021

Еще мы говорим о ролях, которые образуются вокруг коллективного производства научного текста. Все эти роли исторически условны, и то, как сейчас выглядит производство научного текста, думаю, сильно отличается от того, как тексты писались и публиковались даже в советское время. Если мы возьмем совсем давние времена и разные национальные контексты и подумаем, каким образом коллективное авторство реализовывалось, что собой представляло взаимодействие разных людей, какие отношения между ними, то увидим, что там очень много иерархических властных вещей, формируются вопросы о более престижном, высоко-статусном авторском труде. Тот, кто пишет — производит оригинальные аутентичные идеи, то, что не было высказано до этого, а помогающий дополнительный труд, который обладает будто бы более низким статусом, будет считаться неоригинальным или рутинным. Интересно, как эти разграничения возникали в процессе. Может, их не было в самом начале. Зная, откуда это пошло и как возникло, какими институциональными изменениями это было обусловлено, мы можем лучше понять, что коллективное научное авторство представляет собой на данный момент.

Анна Прохорова: Я представляюсь и объясню, почему я буду говорить то, что говорю. Помимо того, что я тоже в некоторой степени социолог по образованию и занимаюсь исследованиями в области миграции, я еще на протяжении многих лет занимаюсь редактированием и переводом научных текстов. Я начинала это делать

просто как лингвист и по просьбе знакомых преподавателей, коллег. Затем я стала помогать с подачей текстов в необходимый журнал. То, что я сейчас буду говорить, касается англоязычных текстов, которые пишутся не носителями.

Наверное, имеет смысл задуматься, какой вклад каждый человек вносит в конечный продукт — в текст. «Помогальщики», которых Ира упомянула — переводчики, редакторы, прюфридеры, — влияют не на суть текста, а на его форму. Они участвуют в подборе конкретных слов, в этом состоит их импакт. Здесь важно понимать, насколько причастность этих людей может изменять продукт при движении от исходного к конечному результату.

Есть несколько людей, которые сопричастны тексту. Авторы текстов на английском, которые не являются носителями языка (я говорю не только о русскоязычных исследователях и авторах), часто обращаются к ряду специалистов перед тем, как отправлять текст для публикации. В русскоязычной среде мы привыкли говорить о прюф-ридинге — о вычитке текста. Действительно, в наших реалиях прюфридер занимается всем, несмотря на то, что технически прюфридинг — это корректура текста. Прюфридер — это корректор, который отвечает за мелкие технические правки в тексте, за грамматику и пунктуацию. В российских реалиях прюфридер занимается всем: он и редактор, и корректор, иногда частично переводчик (что, кстати, нежелательно).

Переводчика я бы выделила, потому что его задача состоит в том, чтобы максимально точно передать смысл, который заложил в текст автор. Именно переводчик может внести нежелательные коррективы, но суть он не поменяет, это могут быть просто ошибки.

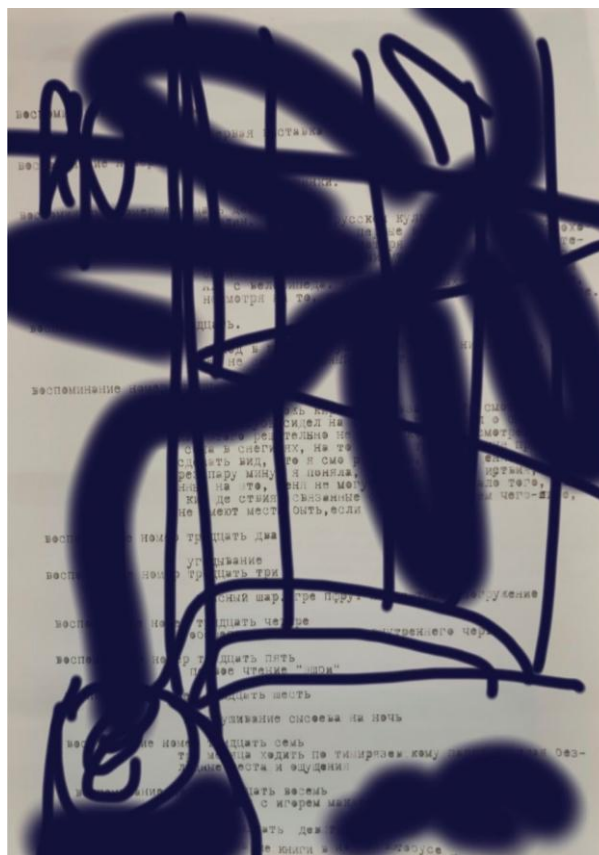
Интересна роль редактора, который на английском языке называется editor, и в европейских прюфридинговых агентствах обозначается как editing и иногда даже sorywriting. Это глубокая интервенция в текст, когда не просто подбираются нужные по смыслу слова, а меняются местами абзацы, переструктурируется текст. Говоря метафорически, я бы сравнила роль редактора с монтажером видео, когда все разрезается. Редактор — это тот, кто видит по кусочкам, он структурирует текст. Его роль может быть очень значительной. Многие знают про эффект Кулешова: когда мы разрезали видео и склеили в другом месте, получается совершенно определенный смысл, если одно следует за другим. Имеет значение, в каком месте стоит определенный абзац или где высказан аргумент.

Что касается рецензентов, которые напрямую работают с сутью текста, то у меня сразу возникает вопрос: а все ли рецензенты хотят быть упомянуты как соавторы? Есть немало случаев, когда и вы выступали рецензентами. Иногда нам очень хочется быть причастными к чему-то, и если я перевожу книгу, то, конечно, мне важно, чтобы там было указано мое имя. Но в каких-то случаях мне это неважно. Например, для дополнительного заработка я перевела книжку про алкогольные напитки из разных стран мира. Важно ли мне, чтобы мое имя ассоциировалось с этой книгой? Нет, совсем неважно, может, я даже не хочу этого. То же и здесь — нужно ли это человеку, за которого мы сейчас так переживаем, этим скрытым соавторам.

Какой критерий поможет нам определить, должен человек быть упомянут как соавтор или нет? Наверное, один из определяющих критериев — временные затраты. Но вообще существуют разные практики упоминаний. Мне приходилось работать во всемирном банке, и у нас была регулярная публикация: Migration and Development Brief. Это бриф с регулярным обновлением статистики по миграции, денежным переводам, миграционной политике в разных регионах. Соответственно, был редактор, который рассылал запросы по офисам разных стран, чтобы

собрать необходимую статистику и комментарии. Каждый человек, которому он писал email, был упомянут в списке contributors. Этот список мог занимать полстраницы, но все были упомянуты. Даже если мне присылали один email, и лично я никаких данных не давала, но просто подтверждала верность расчетов, мое имя появлялось. Это хорошая практика, но в этом случае не было одного человека, который был упомянут как editor. Люди, которые входили в список contributors, были уравниены. Это равенство кажется мне очень важным, особенно когда мы говорим про co-authorship. Если речь идет о том, что две коллеги встретились и вместе что-то пишут (как в одной из статей, которые вы предлагали к этому семинару [pp. 91—92]) — они равны. Они специалисты в одной области. Но если я пишу про миграцию, и я встретилась с мигрантом на улице или с директором микрофинансовой кредитной организации в самолете, мы с ними обменялись какими-то мнениями, то мы не можем быть co-authors, потому что тогда список людей, которые навели нас на какую-то мысль, будет бесконечным.

Про хомячка, мне кажется, это просто мем, который может себе позволить только нобелевский лауреат.

Воспоминания 25, Саша Мороз, 2021

Кто несет финальную ответственность за текст? Я считаю, что если речь идет о научной публикации, то, конечно же, ответственность — институциональная. У разных журналов и издательств требования к тексту различаются, и автору приходится каждый раз подстраиваться. Конечно, человек, который нажимает кнопку «Опубликовать» где-то там в системе, несет ответственность, и мы все на определенном этапе через это проходим, когда подаем статью. На финальное

ознакомление присылается статья уже после всех правок и небольших корректировок. Мы подтверждаем, что нас все устраивает, и текст уходит в печать — электронную или бумажную. Но все-таки, учитывая, что текст должен удовлетворять ряду формальных требований, я считаю, что финальная ответственность должна быть институциональной.

Полина: Может, если речь зашла о журналах и редакционной политике, то Анна Кулешова сможет продолжить?

Анна Кулешова: Я возглавляю российский Совет по этике научных публикаций АНРИ, и я член комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований, при этом — научный редактор с пятнадцатилетним стажем. Чаще всего мне приходится смотреть на те неприятности, что у нас происходят, реже вижу что-то хорошее. На хорошее не жалуются.

Пару слов скажу про рецензирование. Открывать имена рецензентов — это действительно замечательная практика. В России сейчас тоже есть тенденция открывать имена рецензентов, РИНЦ в ряде случаев просит, чтобы выгружали имена рецензентов в систему, но это пока носит характер карательной практики. Если ты плохой журнал и пытаешься прикинуться хорошим, то будь добр — покажи, кто у вас рецензенты, тексты рецензий. Я с этим борюсь, потому что это должна быть добровольная практика ведущих журналов. Они должны демонстрировать, что журналы гордятся своими экспертами, не скрывают их имена, да и авторам может быть приятно и важно знать, кто помог сделать статью лучше. С другой стороны, сами рецензенты, учитывая нашу научную культуру, побаиваются сведения счетов, и у них миллион аргументов, почему их имя никогда не надо раскрывать, даже в случае, когда статья была опубликована.

Поскольку ответы рецензентов не всегда великодушны, корректны, мягки, то во многих журналах появилась должность мета-рецензентов — они сводят рецензии в приемлемый текст, освобождая авторов, которые получают их, от психотравм.

С авторством в России стало очень интересно. Есть не очень красивая, но занятая история: когда больше 10 лет назад работала в СОЦИСе, мы могли гадать по тексту, кто написал текст, если соавторов двое: родственники они, любовники или просто коллеги? Мы понимали, что авторство за собой влечет что-то большее, и поскольку работали в этой сфере долго, иногда наблюдали, как угаданные за текстами пары вступали в брак. Но современным редакторам подобная игра в угадывку оказалась недоступна, теперь почти во всех текстах куча авторов, один-два соавтора — редкость.

Когда появилась публикационная гонка (чтобы сделать вид, что у нас есть наука, пришлось сделать вид, что у нас есть научные публикации), началась и публикационная инфляция. Стало появляться много «красиво упакованного мусора». В ряде случаев нельзя придраться, что это фальсификация или плагиат. Это просто бессмысленные тексты, зато с большим количеством авторов. Механика российской действительности (я сейчас не про Шанинку и Вышку — ими наше научное пространство не заканчивается) выглядит так: вы можете каким угодно образом нарушать этику научных публикаций, и вам будут за это доплачивать. Вы можете приписывать кого угодно, покупать авторство, покупать готовые статьи, которые вы не написали и к которым не причастны (я сейчас говорю про те рассылки с предложениями опубликоваться за 200\$ в журналах из базы данных Scopus). Самое интересное, что мы видим эту практику даже через госзакупки. Так, например, некоторые

федеральные университеты официально тратят деньги на то, чтобы прописать авторов в готовые статьи. Как можно узнать, что статья куплена? Самое простое — сделать скрины с сайта, продающего тексты (например, их делает Анна Абалкина, член Совета по этике АНРИ) и потом понаблюдать, что с этими текстами через 2—3 года станет. Мы точно знаем, что они опубликованы с купленным авторством, мы их видели на сайтах.

Масштаб бедствия выявился тогда, когда Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований вслед за Советом по этике научных публикаций АНРИ стала отзываться статьи. Заметьте, до 2017 года научные статьи в России не отзывались в принципе, несмотря на плагиат, фальсификацию, фабрикацию. Если я находила плагиат в статье и сообщала об этом автору, он отвечал: «Ну и что ты, редакторша, сделаешь?» А я и правда ничего сделать не могла. Когда Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований одновременно отозвала летом 2019 года 2,5 тысячи научных статей, одно из самых частых обращений по поводу текстов, рекомендованных к ретракции, сводилось к фразе: «я не автор». Так выяснилось, что по стране много «добрых людей», которые не просто плагиатят, но еще и приписывают авторов к таким статьям, желая сделать им приятное: повысить Хирш руководителю, ректору университета и т.п. За такую статью с плагиатом «автор» получит выплаты, надбавки. Поэтому я скажу, что авторство — это а) репутация; б) ответственность. Нас в меньшей степени интересуют те люди, которые занимаются расшифровкой, интервьюеры, хотя их вклад несомненно огромный и значимый, им мы пишем слова благодарности в соответствующем разделе статьи, понимая, что если к статье возникнут вопросы, не они будут защищать текст и отвечать за то, что должно было бы стать приращением научного знания. Автор — тот, кто отвечает за все, что написано в статье.

Хочу еще выделить особенность 2020-го года (не знаю, повлиял ли ковид). Раньше случалось, что авторов выдумывали: придумывали иностранные имена, иностранные институты, чтобы показать международную коллаборацию. В 2020-м году появилось новенькое: научный журнал публикует статью, условно, что ковид спровоцировали покемоны. И это не бред человека, а текст, сгенерированный машиной. То есть уже не человек украл у человека, а машина сгенерировала текст за человека, а он его выдал за свой. Когда авторы крали у авторов, было проще. Машина генерит не только текст, но и названия журналов, придумывает наукообразные названия статей в этих вымышленных журналах, а люди потом цитируют это. Какая-то безумная фантазмагория.

Раньше нередко на руководителей институтов «батрачили». Деление на «батраков» и «хозяев» в советском союзе было почти официальным; «батраков» берегли, у них даже были некоторые привилегии, они могли иметь машину и иные блага, но сегодня «батраки» оказались в уязвимой ситуации. Мы не можем точно знать, сколько людей пишет тексты для своего руководства (хорошие тексты, без плагиата!), но был показательный случай. На последнем мероприятии в Беларуси (в 2018 году), когда я рассказывала про «батраков и хозяев» — зал встал. Почти сотня человек встали и аплодировали. Это был единственный способ сказать, что у них эта проблема есть, и она масштабна.

Когда обращаются в Совет по этике, нередко говорят о жестком принуждении к приписному авторству. «Если не станешь писать тексты для декана, пойдешь “сбирать окурки”». И людям некуда уйти. Бывает и так, что мы точно знаем — человек, называющий себя автором, таковым не является. Знаем, но доказать не можем. Это сложно и юридически, и страх лишения рабочего места делает свое дело.

Чем стало авторство? Например, авторы помогают университетам зарабатывать деньги. Не выполнен план по публикациям — сокращено финансирование. Университету безынтересно, что автор публиковался в изданиях-хищниках, ему важно отчитаться перед Минобрнауки. На данный момент журнал включен в Web of Science или Scopus — вот и хорошо, а все остальное не важно, хоть плагиат, хоть фабрикация, хоть покупное авторство. Если подобные вещи вскрываются постфактум, это тоже никого не волнует. На данный момент нет интересанта, которому бы была важна этика научных публикаций. Автору и университету важно заработать деньги. Любой ценой.

что делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты не знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты не знаешь, что делать
что делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты знаешь, что делать
чего не делать, когда ты знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
чего не делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
чего не делать, когда ты знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать
что делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, что делать
чего не делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты не знаешь, чего не делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты знаешь, чего не делать
что делать, когда ты знаешь, чего не делать, когда ты знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
что делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
чего не делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты не знаешь, чего не делать
что делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты знаешь, что делать
что делать, когда ты знаешь, чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать
чего не делать, когда ты не знаешь, чего не делать, когда ты знаешь, что делать
чего не делать, когда ты знаешь, что делать, когда ты не знаешь, чего не делать
что делать, когда ты не знаешь, что делать, когда ты не знаешь, чего не делать

беспомощные стихи (фрагмент), Саша Мороз, 2021

Кажется, должно быть больше порядка в области грантов: важно знать, кто автор, а кто не автор, есть плагиат или нет. Но грантодатели полагаются на то, что этим займутся журналы — будут проверять, писать письма, спрашивать, какой был вклад каждого из соавторов, чтобы понять, действительно ли все эти люди имеют отношение к тексту. Но у журналов, как правило, нет ресурсов этим заниматься. А дальше получается хищение государственных средств под видом авторства. Но никто с этим ничего не может поделать, ведь это даже не нарушает никакие законы или требования. Коллеги из Совета по этике писем десять отправили в Минобрнауки по вопросам авторства: «Что делать, если у ректора университета сплагачена диссертация?» Минобрнауки отвечает, что у него нет требований по наличию или отсутствию плагиата в диссертациях ректоров в университетах. Все. Разговор закрыт. Какие-то нарушения, например, приписное авторство в международных изданиях формально не нарушает закон. И авторство, которое стоит в центре всего, оказывается симуляцией.

Полина: Пока у нас консенсус, что авторство — это репутация, ответственность, и у журнала она тоже есть. Все непросто, но нам нужно поправить что-то в этой механике, и все пойдет хорошо. Такое ощущение, что мы говорим об идеальной системе, где действительно работает репутация, связка авторства и ответственности: человек сделал публикацию и получил за нее институциональные или бюрократические блага. Это справедливая и хорошая система, мы с ней полностью согласны, нам нравится то, как функционирует вся институция производства научных материалов. У нас все хорошо, и главное — подумать о том, в каком случае люди готовы брать на себя ответственность, а в каком — нет. Здорово конечно, но это не всегда и не везде так.

Я удивляюсь, что идея о том, что у нас может быть единый автор — жива. На всех наших предыдущих встречах мы говорили, что с авторством все сложно. Нет единого понятного Автора, который собой и своим интеллектуальным мероприятием производит научное знание. Есть много разных процессов, часть — организационных, часть — в разговорах.

А тут у нас все собирается: нет, Автор важен! Автор есть, он вписан в институции. Я так понимаю, что в институциях автор есть, там есть ответственность и есть репутация. Может, здесь не все гладко?

Андрей Тесля: Мне бросилась в глаза история про расширение авторства, когда речь зашла о формулировке «собственность на идеи». Она прозвучала несколько раз — в том числе в связи с дискуссиями о сложности авторства, проблематичности этой конструкции и т. д. На мой взгляд, речь идет о том, что идеи имеют жесткость, это объекты, у них может быть собственник, которые могут транспортироваться и т. п.

Наш разговор сегодня хорошо высвечивает базовую авторскую конструкцию, где институционально закрепленный автор, откуда бы они ни взял свои идеи — курилка, любовница, подслушанный на улице разговор, — мыслится как тот, кто несет ответственность. Это ключевое. Не ответственность за идею саму по себе, не за высказанное — а за доведение до финала, до результата. Мне представляется, что история про невидимость (которая прямо связано с авторством) — это история про ответственность. В разговоре была четко видна современная конструкция, где «автор», «ответственность», «видимость», «приписывание» выстраиваются прямолинейно — например, в контексте проблемы рецензирования — о безответственности рецензента, его «невидимости» и в связи с этим подозрени в ускользании.

Один из разворотов дискуссии связан с различными журналистскими этиками и стратегиями публикаций, в том числе когда все зависит от решения редактора, действующего от собственного лица или журнала как более-менее авторского предприятия, где редактор — это автор. Это без отсылок к множественности рецензентов. Делать процедуру более авторской, более зримой и отсылающей к конкретному. Если говорить о «местных» проблемах, то это истории, связанные с двойственностью. С одной стороны, есть различные требования к редакциям и редколлегиям, стандартным изданиям и редакционным советам, которые существуют в книжных сериях, но, с другой стороны, именно в уважаемых проектах эти образования не функционируют или функционируют слабо. Существует сильное различие процессов реального формирования издательской линейки/проекта и титульного, того, как выстраивается последовательность текстов и как принимаются решения, независимо от того, нравятся они нам или нет. Различие между заявляемым и желаемым. При этом то, что я видел в некоторых последних случаях, меня радует. По-моему, у «Владимира Даля» в одной из последних книжных серий заявлена редакция из 3-х человек, и это конкретные лица, которые и осуществляют процесс.

Само стремление делать видимым невидимый труд, стремление указать — сильная история про размывание. Бесконечный перечень авторов писем, кто им когда ответил, список благодарностей на 10 страниц в конце книжки — это идеальный способ размывать до предела и не поблагодарить никого. Или в списке благодарностей начать активно строить иерархию благодарности, когда мы одних благодарим в первую очередь, других — *and sincerely yours*. Бесконечность этого перечня еще больше подчеркивает уникальность автора, который стоит на обложке: «Я создатель этого текста. Спасибо! It's my team». Мне кажется, что сам по себе пафос — делать зримым, делать заметным — на втором же ходе оборачивается в свою противоположность. Попытка учесть как можно больше в действительности работает наоборот. Вполне предсказуемое следствие.

Полина: Отдельное спасибо, Андрей, что обозначил связку как современную: авторство-видимость-ответственность. Все продолжает быть удивительным: консенсус, что вся современная конструкция жива и выживает в разных условиях. Маша, продолжишь?

Мария Вятчина: Спасибо, мне приятно и важно быть сегодня на этом семинаре. Когда среди прочих ролей была заявлена роль расшифровщика, я обрадовалась, что могу, наконец, высказаться.

Я занимаюсь социальными исследованиями на разных этапах. У меня есть свои проекты, но с 2012 года я несколько лет была расшифровщиком. Свои наблюдения я продолжаю фиксировать. Очень много сказали про авторство и текст, а расшифровка — это этап дотекстовый. Мы еще не говорим про сам научный продукт, мы говорим про полевой этап, и что дальше происходит с материалом, который собирается в поле. Я была по-разному включена в процессы расшифровки с разных сторон — была расшифровщиком, была координатором производства расшифровок и наблюдала разные ситуации. Например, просила заказчика сделать минимальные правовые договоры о защите тех данных, которые мы будем слушать и переводить в текст. Случалось, что я, делая расшифровку, знала не только человека, который проводит интервью, но знала человека, который рассказывает свою очень личную и глубокую историю. Наблюдала ситуации, когда сторона заказчика сначала не предлагала строгих требований к расшифровке,

а потом создавала огромный список требований и многократно просила расшифровщика переделать его работу, а в результате еще и применяла к нему штрафные санкции. Было такое, что мы создавали маленькую артель, маленькую горизонтальную структуру, в которой было много расшифровщиков, когда работали с большими проектами. Я говорю слово «артель», потому что мне кажется важным противопоставить труд расшифровщиков, которые делают это сами по себе, работе профессиональных агентств. Сегодня такие есть, они предлагают свои услуги и к ним тоже можно обратиться, но про коммерческий уровень я говорить не буду, я буду говорить про роль одного расшифровщика.

У всего размыты границы. Что такое расшифровка? Не очень понятно. Как делаются расшифровки? В зависимости от того, какое интервью или какая дисциплина — к самой форме расшифровки будут предъявляться очень разные требования. Для кого-то важна пунктуация, обозначающая эмпатическое слушание исследователя, а для кого-то гораздо важнее, чтобы были обозначены фальстарты, пробелы. А для кого-то это совсем неважно и нужно сделать буквально краткий пересказ того, что происходит, пропуская многочисленные «думающие» слова, которые обозначают, что человек рассуждает в данный момент.

Кроме того, я несколько раз себя поймала на том, что я по-разному обозначала человека, который делает расшифровку, помогает исследователю с производством. Я специально посмотрела: в русскоязычных публикациях человек может называться «расшифровщиком», «транскрибатором», «транскрибером», иногда говорят «транскрайбер» и «стенографист». У нас нет четкого названия для человека, который помогает.

Про этот труд, помимо того, что он невидимый (это проходит красной нитью через мою реплику), можно сказать, что он гендеризированный. Я наблюдала разных расшифровщиков, и из 30 человек меньше 10 были мужчины. Это женщины разных возрастов: могут быть те, кто находится на пенсии — для них это способ дополнительного заработка, или исследовательницы в декретном отпуске, и это тоже для них дополнительный источник заработка. Или это студенты, и для них это подработка. Расшифровщики не только в уязвимой позиции, они и в менее ресурсной позиции.

Как мы находим расшифровщика? Или как расшифровщик находит для себя заказы? Это либо личные персональные сети — запросы в фейсбуке, открытые посты. Либо анонимизированные сайты, специальные сервисы вроде YouDo, где можно найти человека, который за конкретную стоимость сделает конкретный заказ. К чему это приводит? К тому, что нет совершенно никаких нормированных ставок, как оплачивать труд расшифровщика. Здесь варьируются цены, отличаются способы оценки стоимости этого труда. Задумываемся ли мы, что входит в оценку стоимости? Ведь это не только обладание минимальными средствами производства, которые нужны: компьютер, наушники, ПО. Это зачастую и использование его навыков грамотной речи, знаний пунктуации и орфографии, знаний локальных контекстов, если тема исследовательского проекта, в которую вовлечен расшифровщик, очень специфичная. Зачастую это владение языками, включенность в сообщества и обладание определенными знаниями. Кроме того, часто интервью могут быть крайне сензитивными, и мы вместе с делегированием работы перекладываем на человека ответственность, чтобы он тоже слушал о правонарушениях, криминале, других сензитивных темах — таких, как травма, смерть и потери. Все, что угодно, потому что темы социальных исследований крайне разнообразны. Вопрос, который уже возникал: что с ответственностью? Что может сделать расшифровщик?

Неверно понять что-то и исказить. Но зачастую это будет связано с тем, что его не ввели в контекст, не объяснили подробно цель исследования. Думать о том, кто делает для нас расшифровки, что мы знаем об этих людях и как оцениваем их труд, может быть полезно для дальнейших размышлений.

Полина: Спасибо большое, действительно, кажется, что этот разговор может иметь много ответвлений. У меня вопрос к Наташе Винокуровой. Может, ты что-то хочешь добавить на тему расшифровки, потому что мы с Наташей много обсуждали тему, которая у нас готовится — и в рамках работы в библиотеке Шанинки Наташа тоже занимается этим непростым делом.

Наташа Винокурова: Я бы добавила еще одно слово - "пишбарышня". Так в 20-е годы называли расшифровщиц. Точнее, я сама себя так в шутку называю. Я прямо сейчас занимаюсь расшифровкой этой нашей встречи, поэтому я бы просто продолжила это делать. Пока не успела порефлексировать.]

Полина: Спасибо, это перформативный момент в разговоре. Мы сейчас ведем беседу, но чтобы она состоялась как интеллектуальный проект, есть другой ход работы. Когда мы будем работать с расшифровкой, мы вернемся к тому, насколько тут работает отчуждение, о котором отчасти говорила Маша — удаленность и невключенность. В каком случае она передается самому продукту. Сейчас я уверенно говорю о продукте, потому что на этапе его производства наши отношения организованы так, что у нас безумно отчужденные друг от друга люди соучаствуют в его производстве.

Анна Кулешова говорила об этой проблеме: необходимость публикаций связана не с желанием вести диалог с коллегами через форму структурированного текста, а с необходимостью: грантовый отчет, работа в университете, надбавки.

Анна Прохорова начала говорить о том, что эти отношения более-менее обусловлены бизнесом. Люди делают часть работы за деньги — пре-ревьюеры. Все эти конструкции устроены так, чтобы поддерживать консервативный консенсус: ситуация последовательного размыкания связей между людьми, текстами, тех, кого мы цитируем. Мы об этом говорили на обсуждении «белых мертвых мужчин» — здорово, когда тебя классный мужик отрецензировал, а еще классно его упомянуть и процитировать. А если он еще и жив, то может быть одновременно и там и там.

Меня все это смущает, потому что мы несколько раз с товарищами из клуба любителей интернета и общества пытались устроить коллективное авторство. Публиковаться под словами «мы — клуб. У нас нет одного автора, мы работаем вместе». Мы правда работаем вместе, много. Мы вычитываем тексты друг друга даже если мы не публикуемся в соавторстве. Оставляем благодарности в конце. Превращается ли это в список, который описывал Андрей — список, который всех уравнивает и снимает вопрос о том, кто вообще что сделал. Мне со временем все больше хочется прописывать — что люди сделали. Мы сталкиваемся с колоссальным сопротивлением. Учитывая, что в действительности даже практика отзывов статей в России появилась сравнительно недавно, и отзывают совсем все дурное,

сворованное, фальшивое. Но на деле практика ответственности плохо работает. Сколько опубликовано откровенно вторичных текстов, которые плохо написаны по одному и тому же материалу три раза подряд. Или как рецензентка я на третьей итерации понимаю, что уже выжали все, что могли. Все равно это не соответствует чему-то важному. Но надо публиковать. Процесс идет. Надо его поддерживать.

Кажется, срывает отсутствие у нас политического воображения, или его недостаточность. Хочется представить, а как оно должно быть? Ведь «давайте будем поддерживать институт репутаций, потому что это хоть что-то, что у нас есть» — это грустная история. Может же быть по-другому! Может быть экспериментальная история, может, на какое-то время экспериментальная (сегодняшняя ситуация тоже не исконно была и такой родилась, и мы теперь должны с ней всю жизнь жить).

Полина: Я не то, чтобы хотела попросить тебя сталкивать. Мы просто очень близко видим проблему, которая в большей степени связана с тем, как организована отчетность публикации. Эта штука во всей академии, не только в России. Чтобы не уходить в тоску, давайте продолжим.

Анна Кулешова: У меня два комментария, которые упускаются из вида, когда мы говорим об авторстве.

1. Зачастую, авторы — это люди, которые обладают властью принятия решений или властью распределения ресурсов. Наиболее яркие и понятны примеры, когда речь идет о медицине. Были случаи с выводом на рынки неэффективных лекарств. Оказывалось такое возможно потому, что были научные статьи со сфабрикованными данными. Есть научная статья — есть основание считать препарат проверенным. Как понимаете, все упирается в деньги. Но гуманитарии зачастую считают: «У медиков-то всё понятно — люди умирают, если не работают лекарства, но мы-то вреда никакого не несем».

2. Теперь следите за руками. За первое полугодие 2020 года более трехсот осужденных по статьям «за клевету», «за призывы к экстремизму» и т. д. Осуждены они на основании гуманитарных экспертиз: их готовили лингвисты, философы, филологи, социологи и т. д. Надпись на майке «выдавливай из себя по капле раба» такие эксперты могли интерпретировать как призыв к свержению конституционного строя. Да, чтобы быть в суде экспертом по гуманитарной экспертизе, достаточно быть кандидатом наук, работать в университете и иметь публикации. Остальное суду индифферентно — если статьи и диссертация с плагиатом, они в это не вникают. И зачастую на основании заключений этих экспертов принимаются решения в отношении судеб людей.

3. Летом пришел издатель. Он обратился в Совет по этике с гениальной идеей: «А давайте мы напишем книгу о том, какую вы крутую работу делаете! Вы ретракции ввели, например. Только мне хочется, чтобы книга не унылая была, а с яркими жизненными примерами: человек нарушил что-то — у него начались проблемы, его уволили из университета, лишили должности, запретили детей в университетах учить и т.д. Важно, чтобы люди читали эту книгу и понимали, почему нельзя с этим шутить». И всем Советом по этике, в который входят все от SCOPUSa до Web of Science, РИНЦ, Диссернета, Антиплагиата, НИУ ВШЭ., мы коллективно пытались найти хоть один такой пример. Нашли четырех людей, которые добровольно покинули свои должности после того, как была вскрыта их «нечистоплотность», а в остальных случаях наблюдали «отрицательный отбор». Ощущение, что система говорит: «Ооо, родненький наш! Пойдешь на повышение». Плагиат может оказаться путем в замминистры, например. И эти люди потом принимают решения,

сколько должно быть научных статей, при том, что у них из 10 своих — 9 с плагиатом. Это никого не волнует. Это всё к слову о том, почему авторство должно быть индивидуально и должна быть индивидуальная ответственность. Когда вы доверяете этим людям власть принятия решений в отношении себя, это становится проблемой. Пока вы не столкнулись с такими медиками или с такими экспертами в суде, кажется, что все не так важно — мы можем подписаться как «клуб любителей интернета», но дальше это по-любому будет персональная ответственность.

Полина: Я доспрошу еще, потому что я в восторге от того, что ты говоришь. Это, мне кажется, ядро проблемы. Мы все говорим, что у автора есть власть и ответственность. А над чем она? С темой этики есть миллионы случаев, когда говоришь с исследователями (я занимаюсь темой этики в исследованиях): «Вот, ваше исследование — социальное предприятие. Вы потом свою власть проявляете, когда работаете с чьими-то материалами и данными». А они говорят: «Вы о чем вообще? Какую, к черту, власть? Нам бы план выполнить. Нас уволят иначе. Какая власть у исследователей? Откуда и где вы видели ее?» Ты говоришь, что они идут на повышение. Какой у нас институт ответственности и репутации — это воображаемая схема, которая воспроизводится, и мы говорим, что у людей есть власть, и их можно подвергнуть санкциям, но где они будут? Ты говоришь, их не видели.

Анна Кулешова: Это проблема общества, оно не вполне здорово, но это не означает, что его надо оставить в таком состоянии, в противном случае эти «эксперты» нас угробят в обозримом будущем. Это то, с чем надо работать. По разным причинам всё сложилось так, как сложилось. Это длинная история, начавшаяся не сегодня. Безусловно, важен вопрос, почему именно в России мы наблюдаем именно такую ситуацию. Но еще важнее вопрос: что мы с ней будем делать?

Ключевой вопрос для меня лично: что делает людей неэтичными? Почему этическое нецелесообразно? Мы видим, что система сегодня нередко провоцирует на нарушение этики. Обычно провокация на преступление имеет свои отягощающие обстоятельства, за нее приходится отвечать, но не в системе регулирования науки. Люди, принимающие неадекватные управленческие решения, провоцирующие на преступление, ответственности за это не несут.

Ирина: Добавлю маленькую ремарку: если мы говорим об ответственности и коллективном авторстве, есть же практика contribution statement, когда прописывается, кто из авторов чем занимался, что делал, какой вклад внес, кто делал вычисления, а кто набирал какую часть. Я понимаю, что в западном контексте (хотя он со своими проблемами) бывают споры по поводу этих описаний — что и кому атрибутируется. Потом, при промоушене, из того, что я слышала, женщина из позиции senior lecturer переходит на reader. Ее спрашивают: «У вас есть столько-то статей, они все в соавторстве. Конкретно ваш вклад здесь в чем?» Надо буквально доказывать, и это очень серьезно. Может, через систему промоушена, который тоже прописан и устоялся, эти механизмы работают? Тогда и есть смысл в contribution statements. Может, вы знаете, как это работает в российском контексте, и есть ли примеры хороших практик?

Анна Кулешова: Ирина, спасибо. Это абсолютно здравая мысль, которая сводится к поговорке — «там где нет конкретики, нет ответственности». Чем яснее прописано авторство, тем легче понимать, у кого какой вклад, и с кого потом спрашивать: с расшифровщика или с переводчика? Это адекватная

история, в России ее медленно пытаются вводить некоторые журналы. Пока этот подход встречает сопротивление, но чем больше мы об этом говорим и обозначаем данную практику как нормальную, тем больше шансов, что она войдет в нашу жизнь.

Ирина: Ремарка! Приоритезировать исследования и приоритезировать публикацию как показатель исследовательской деятельности — это всеобщий тренд. Пока существует эта система ориентиров, пока мы настолько сильно упираемся в публикации, получается, что проблемы с авторством неизбежны. Возникает значительно больше incentives это авторство приписать, авторства достичь, воспроизвести. Получается, что пока нет других форм оценки академической исследовательской работы. Люди пытаются что-то внедрять: преподавательская деятельность, например, не обязательно выражается в публикациях. Я знаю, что в британском контексте наряду с Research Excellence Framework есть Teaching Excellence Framework, но даже там исследовательские приоритеты побеждают и влияют на распределение средств. По факту, хорошо, когда преподавательская деятельность есть, но самое главное — качественные хорошие публикации, которые могут оценить эксперты, Peer Review, туда же все кватили и прочее. Пока мы от этого не уходим, я не понимаю, каким образом мы можем решить проблемы с приписным, с недостойным авторством, с подарочным авторством, с иерархиями между научным руководителем и студентами. Это повсеместно используется в разных видах, со всеми отношенческими вещами, гендерным разделением труда, когда экспериментальная и расчетная работа очень часто делается женщинами. А вот серьезная творческая — подумать, написать великую идею и поставить себя первым автором — мужская часть. Может, у вас есть свое видение этих вопросов и решений.

Анна Кулешова: Я скажу банальную вещь. Чтобы ситуация изменилось, это должно быть кому-то нужно. Но кому это нужно в России? Университету? Нет, он получает финансирование, пусть это хоть десять раз подложное авторство. Грантодателям? Это не их кровные деньги, даже если они будут потрачены не на то — не жалко. Государству в целом? У него задача — симулировать научную активность, поэтому, чем больше людей пишет — тем лучше. Как видите, прямого интересанта нет. Доверие к науке падает, мы первые сделали вакцину от ковида, но люди боятся ее ставить. Но когда вырастет достаточное количество людей, которые захотят жить по-другому — все изменится.

Полина: Начну подытоживать. Пока я поняла важную штуку про воображение — конкретизация. Здесь я хочу оговориться, что идея с коллективным авторством совершенно не противоречит конкретизации. Идея того, что «мы — клуб, а еще расшифровщики, переводчики и т. д.», где мы прописываем, что это значит, может работать. В таком контексте мне проще написать, что я сделала, чем когда я просто один автор. Равно как и наоборот. Быть упомянутой в гигантском списке — здорово, но иногда ты не понимаешь, почему ты там, что произошло? Коллективизация авторства мне кажется бóльшим шагом к тому, чтобы конкретизировать процесс труда.

20:45:35 From Ирина Антощук: коллективизация!

20:45:56 From Ирина Антощук: в ссылку всех, кто отказывается коллективизироваться :)

Не в смысле русской истории, а в смысле превращения в коллективную практику. Учитывая, какое огромное количество всего происходит внутри институциональной работы, это кажется здоровой практикой: если люди объединены институцией, то они в рамках ее сотрудничают, или сотрудничают с кем-то внешним — с расшифровщицей, например, — то вполне адекватно описывать это как коллективный труд, а не как индивидуальный. В этом нет глобального противоречия. Но тогда мы чуть больше хороним современную историю, где автор — это ответственная инстанция, в случае если мы признаем, что это конструкция не очень хорошо работает.

20:46:25 From Андрей Тесля: а потом и совхозы

20:46:31 From Ирина Антощук :))

Да не будет никаких совхозов, право слово! Придумайте, как это по-другому назвать. С удовольствием буду использовать. А то будет круглый стол «Коллективизация и авторство». Меня очень зацепила история о том, что на деле у авторов есть институциональные последствия в том числе в том, что говорила Анна про экспертизу. Другое дело, что как будто бы это все существует так же отчужденно и далеко, как и труд людей, которые переводят и расшифровывают, и труд людей, которые потом публикуют под своим именем что-то. Публичных эксплицитных связей мы не наблюдаем или наблюдаем мало, может быть в этом направлении можно что-то сделать. Два сюжета для воображения: напоминать авторам, нам, другу, себе о том, что у нас власть и ответственность. Не зря этим именем мы называемся. С другой стороны, история про конкретику: кто что сделал. А есть еще какие-то идеи? С системами все сложно, надо что-то предпринимать. Какие сюжеты кажутся вам направленными в правильную сторону? Может быть, примеры из истории или современности?

Анна Прохорова: Мне вспомнилась история, которая не напрямую относится к авторам научных публикаций. Это история про эссе, которые пишутся на заказ и которые покупают студенты университетов. В некоторых странах компании, которые предоставляют такую услугу (Essay Mills) — запрещены. В Великобритании несколько лет назад была дискуссия о том, чтобы тоже ее запретить. Мне эта история интересна вопросом распределения ответственности. У нас есть три фигуранта: компания, которая оказывает эту услугу, создавая фиктивное авторство, есть заказчик — студент, и есть университет. Что интересно, университет и студент в этом случае действуют не за одно, как в контексте авторов научных публикаций и их университетской аффилиации. Университеты выступили с требованием запретить деятельность таких компаний в стране. С одной стороны, понятно, что университет рассматривает эту проблему как репутационный риск для себя: кого они обучают, если у них такие студенты, которые не могут эффективно переварить знания, которые им дают, и написать эссе. С другой стороны, вокруг этой темы была дискуссия, которая относится к тому, что Ира говорила: создаются определенные условия, которые толкают нас действовать так. В том контексте речь шла именно о подготовке и поддержке иностранных студентов, которые не владеют в достаточном уровне языком, чтобы просто быть способными (capable) написать такое эссе самостоятельно. Я настаиваю на своем исходном тезисе — если ответственность институциональная, тогда давайте ее хотя бы разделять. Да, автор в этом случае совершил «преступление», но надо учитывать «смягчающие» обстоятельства. В разных случаях они разные, и, наверное, сложно сейчас все подвести к общему знаменателю.

Да, есть мир честных публикаций, где люди работают, пишут, задумываются о том, кто и какой вклад вносит в общее дело. Есть фиктивные вещи, когда склеиваются куски из разных рефератов, подгоняются под структуры IMRAD и отправляются за деньги, чтобы опубликоваться. Есть разные истории, у них есть определенные ситуативные факторы, которые надо учитывать.

(посвящается андрею черкасову)

живу - вижу
 не живу - не вижу
 живу - не вижу
 не живу - вижу

не живу - вижу
 живу - вижу
 не живу - не вижу
 живу - не вижу

живу - не вижу
 не живу - вижу
 живу - вижу
 не живу - не вижу

не живу - не вижу
 живу - не вижу
 не живу - вижу
 живу - вижу

живу — вижу, Саша Мороз, 2021

Анна Прохорова: Когда мы говорим про подготовку студентов, нужно помнить, что подготовка преподавателей, тех самых людей, которые пишут статьи, тоже важна. Летом у меня был опыт работы с докторантом, который был на 100 % уверен, что бесплатных публикаций в зарубежных журналах просто не существует. В итоге платятся огромные деньги — 90 тыс. рублей — за публикацию в журнале, который носит очень общее название. Сейчас совершенно в другой области идут дискуссии о том, что необходимо работать над финансовой грамотностью населения, чтобы люди знали, как откладывать деньги. К нашему контексту термин «грамотность» тоже приложим. Необходимо повышать уровень академической публикационной грамотности. Хорошо, что сейчас большинство преподавателей даже в не супер-престижных университетах знают, что такое IMRAD и очень гордятся этим. При этом они самостоятельно не могут сделать публикацию и уверены, что за нее всегда нужно платить. Такая публикационная грамотность — тоже фактор, носящий системный характер. Здорово, что сейчас такие университеты как Вышка, ЕУ проводят курсы по академическому письму, но, к сожалению, это пока единичные примеры. Может быть,

на институциональном уровне можно добиться, чтобы были внесены коррективы в нормативные документы, что должно быть в университетах.

Андрей Тесля: Спасибо большое! Отзываясь на последние слова Анны про изменения в нормативных документах, я окончательно содрогаюсь, и начинаю чесаться по всему телу, представляя: «Господи, еще один регламент...».

Мне хочется, пожалуй, со своей консервативной колокольни напомнить буквально пару тезисов. Одна из фундаментальных проблем — это наука как отрасль народного хозяйства, как индустрия, как фабрика, *publish or perish*, то, что стимулирует коллективность, стимулирует сложный состав авторства, убивая, разрушая — нет, не юридическую конструкцию или ответственность, а гораздо более поздний, романтический по происхождению канон высказывания: авторство как индивидуальное. Ведь связка и с ответственностью, и с субъектностью, и с производством — это еще и производство некоего текста, например, в котором слышен твой голос, в котором присутствует интонация. Мне кажется, что в этих рамках, там, где речь идет о научении письму, о формировании, взращивании (поскольку речь зашла о магистрантах, бакалаврах, о написании учебных эссе) людей, это далеко не ограничивается бакалаврами или аспирантами, это как раз та проблема, о которой раньше шла речь — проблематичность авторства. Это невосприятие текста как связанного с тобой-автором, неразличимость выхватывания чужих фрагментов и помещения их в собственный текст, непонимание, где вообще здесь проблема.

И, говоря в рамках воображаемого (потому что нет реальных больших институций, которые бы за этим стояли, которые были бы в этом заинтересованы — отсюда и отсылка к «воображаемому» как свободному от принципа реальности), я бы думал в сторону эстетического — ремесленного, крафтового. Здесь история про связку делаемого с тобой, история про то, что это не логика индустрии, не логика «производства текстов», а логика вылепливания, это логика связки с твоим «Я», связки с субъектностью, которую мы столь хорошо хороним в рамках коллективизации и строительства социалистического хозяйства на селе. Но сама коллективизация и целый ряд проблем, которые мы обсуждали, это две стороны ровно одного и того же.

Полина: Ура, у нас разные проекты политического воображаемого будущего! Это прекрасный результат нашей встречи.

Анна Прохорова: Когда-то я интересовалась тем, как появилась структура IMRAD, и оказалось, что первые научные публикации имели форму писем. Это были субъективные *reflections*, личные восприятия, размышления. И потом, под предлогом того, что такие тексты должны быть понятны большей массе читателей, мы пришли к унифицированной системе. Если мы хотим, чтобы нас читали и понимали, мы должны выражаться более доступным языком, в том числе это касается структуры текста. Но если мы хотим авторства, тогда уже мы ограничены и не можем себя чувствовать настолько же свободно, как автор художественного произведения. Хотя и автор художественного произведения придерживается определенной логики и структуры.

Полина: О, да, иногда более жесткой и сложной, и тоже очень романтизированной, кстати. Спасибо большое! Можно бесконечно говорить про требования

больших институций, если мы можем с ними взаимодействовать, но те стратегии, которые есть у нас лично, как у людей, включенных в крафт или производство текстов, нуждаются в более детальном описании и рефлексиях. Так, чтобы это не оставалось глубоко интимным, что мы стесняемся показывать и о чем стесняемся говорить. И та, и та стратегия кажутся важными. Вообще-то это самое важное: какую политическую стратегию авторства мы выбираем сами? Никто не стесняется обсуждать гранты в кулуарах и на кофе-брейках. Мы слышим разговоры о том, как, кто и что пишет. Но мы редко говорим друг с другом о том, о чем говорили сегодня: о личных отношениях с текстом, о том, что в них проявляется. А это важно. Если мы больше будем знать друг о друге, то ситуация будет меняться даже без участия больших институций, чего, откровенно говоря, очень бы хотелось. Спасибо всем большое!

Ирина: Спасибо! Я тоже очень рада была обсудить выборы: личные и коллективные. Важно говорить о письме, о том, как мы пишем, кто в этом участвует, какие отношения выстраиваются. Спасибо большое, что вы внесли свой вклад в эту дискуссию, всех укажем и пропишем.

Полина: И на всех нас ляжет ответственность. Замучаем вас согласованием, не представляете, что там дальше будет. Всего доброго!

Информация об авторах / Information about the authors

Анна Кулешова — канд. социол. наук, ответственный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» (ВЦИОМ), председатель Совета по этике научных публикаций, Москва, Россия. E-mail: kuleshovaav@gmail.com

Anna V. Kuleshova — Cand. Sci. (Soc.), Managing Editor “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal” (Russian Public Opinion Research Center), Chairman of Council of Scientific Publication Ethics, Moscow, Russian Federation.

Анна Прохорова — социолог-демограф (МА), специалист в области миграции и денежных переводов в странах СНГ, внештатный исследователь Международной организации по миграции, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Annata25@gmail.com

Anna Prokhorova — MA in social demography, specializing in labour migration and remittances in CIS, researcher in International Organization for Migration, St Petersburg, Russian Federation.

Андрей Тесля — канд. филос. наук, старший науч. сотрудник ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия. mestr81@gmail.com

Andrei Teslya — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Ирина Антощук — аспирантка университета Амстердама и Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург, Россия. E-mail: irinantoschuk@gmail.com

Irina Antoshchuk — PhD student at the University of Amsterdam and at St Petersburg State University; St Petersburg, Russian Federation.

Мария Вятчина — магистр социологии, приглашенный исследователь в департаменте этнологии Университета Тарту; Петербург, Россия; Тарту, Эстония. E-mail: maria.vyatchina@gmail.com

Maria Vyatchina — MA in Sociology, Visiting Researcher at the Department of Ethnology of the University of Tartu; St.Petersburg, Russian Federation; Tartu, Estonia.

Наталья Винокурова — координатор проектов библиотеки Шанинки, МВШСЭН, Москва, Россия. E-mail: vinokurova-n@universitas.ru

Natalia Vinokurova — library project manager, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation.

Полина Колозариди — исследователь и координатор клуба любителей интернета и общества, работница образования, координатор публичных программ библиотеки МВШСЭН / Москва — Томск, Россия. poli.kolozaridi@gmail.com

Polina Kolozaridi — researcher at the club for the internet and society enthusiasts, education worker and coordinator of the public events at MSSES library/ Moscow — Tomsk, Russian Federation.

Расшифровка: Наташа Винокурова

Редактура: Лиза Канатова

Благодарим Сашу Мороз за предоставленные работы (Inst FB художницы)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу <https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся имя, отчество и фамилия автора, название статьи, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы);

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

— сведения об авторе / авторах (имя, отчество и фамилия, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);

— аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);

— ключевые слова (не более 10);

— название статьи на английском языке;

— имя и фамилия в транслитерации (в латинском алфавите). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>;

— аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);

— ключевые слова на английском языке;

— место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

Электронное издание
LABYRINTH
Теории и практики культуры

Научный журнал

№ 1 — 2022

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректоры *О. Н. Масленникова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
Дизайн обложки *А. Евлоевой и А. Рыбакова*

*В оформлении обложки использован рисунок ситца
фабрики Антона Михайловича Гандурина с братьями (Иваново-Вознесенск),
экспонировавшегося на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году
(из коллекции Музея ивановского ситца)*

Дата выхода в свет 17.05.2022 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 6,0.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru